

902.6(58)

3-991

Л.ЗЯБЛИН

ВТОРОЙ
БУДДИЙСКИЙ
ХРАМ

АК-БЕШИМСКОГО
ГОРОДИЩА

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Л. П. ЗЯБЛИН

ВТОРОЙ БУДДИЙСКИЙ ХРАМ
АК-БЕШИМСКОГО ГОРОДИЩА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН КИРГИЗСКОЙ ССР
Фрунзе 1961

124106

902.6 [58]
3-991

2 902.6 [e5] 1 + 2 94

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского
Совета АН Киргизской ССР

127106.
ЦЕНТРАЛЬНАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
А.Н. Киргизской ССР

Ответственный редактор Винник Д. Ф.

ВВЕДЕНИЕ

Проникновение буддизма в Среднюю Азию относится к началу нашего летоисчисления. В эпоху поздних кушанских царей он стал официальной религией правящей династии. Как и в других случаях распространения мировых религий, появление буддизма в Средней Азии способствовало широкому проникновению культурных традиций на новую почву из далеких стран, являвшихся центрами мировых религий. Буддизм принес в Среднюю Азию традиции искусства Индии, первоначального центра этой религии. В эту эпоху культурный обмен облегчался тем, что Кушанская империя расширила свои пределы до Северной Индии включительно. В последующие после гибели Кушанской империи века на существование и дальнейшее развитие буддийского искусства в Средней Азии оказывает влияние Китай, особенно Северный.

До проникновения буддизма в Средней Азии существовали религиозные культы местного древнего происхождения. Они не были устранены новой религией, а продолжали существовать и видоизменяться бок о бок с буддизмом. Более того, местные древние культы вносили часть своих традиций в новую религиозную идеологию. То же самое произошло и с дальнейшим развитием искусства Средней Азии. Оно не было просто заменено художественными традициями Индии, а продолжало развитие того стиля и направления, которые зародились и существовали в оазисах Средней Азии независимо от искусства Индии.

Гибель Кушанской империи не привела к исчезновению официальной религии. Буддизм продолжал существовать и распространяться в других областях, которые ранее в пределы Кушанской империи не входили. Имеется немало свидетельств письменности и археологических материалов о том, что после кушан некоторые группы среднеазиатского населения вплоть до начала VIII в., т. е. времени арабского завое-

вания исповедовали эту религию. Однако в литературе по истории культуры народов Средней Азии роль буддизма долгое время приписывалась. Например, В. В. Бартольд считал, что буддизм в жизни среднеазиатских народов до арабского завоевания не имел существенного значения.¹

Археологические исследования в Средней Азии в последние годы дали в свете вышесказанного неожиданные результаты. Оказалось, что буддизм оставил более значительные следы в древней культуре Средней Азии, чем полагали раньше. Открыт ряд крупных буддийских культовых памятников. Появилась возможность установить новую дату буддийских памятников, раскопанных ранее А. Н. Бернштамом на Ак-Бешимском у других городищах Чуйской долины,² и дать им новое историческое истолкование. В 1953—1954 гг. на городище Ак-Бешим в Чуйской долине Л. Р. Кызласов раскопал обширных размеров буддийский храм VII—VIII вв.³ В 1958 г. в районе г. Кувы Узбекской ССР открыто интересное храмовое сооружение и начаты раскопки. Эти храмы поразили археологов своей монументальностью и обилием остатков глиняных культовых скульптур. Найдены многочисленные лепные украшения и фрагменты росписей стен храмов.

Несомненно, дальнейшие археологические исследования на средневековых городищах Средней Азии дадут новые открытия древних буддийских культовых сооружений. Новые художественные сокровища обогатят наши знания по истории древнего искусства среднеазиатских народов, еще более прояснят их международные культурные связи с близкими и дальними соседями.

В настоящей работе предлагаются вниманию читателей результаты раскопок второго буддийского храма на Ак-Бешимском городище, произведенных автором в 1955—1958 гг.⁴ Это открытие было неожиданным, ибо ставились другие задачи. Этот храм, расположенный недалеко от буддийского храма, открытого ранее Л. Р. Кызласовым, назван вторым буддийским храмом Ак-Бешимского городища.

I. ХРАМОВЫЙ КОМПЛЕКС СООРУЖЕНИИ

Раскопанный храм расположен в 250 м восточнее первого

¹ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., Изд-во АН СССР, 1927, стр. 10, 11.

² А. Н. Бернштам. Чуйская долина. МИА, 14, М.—Л., 1949.

³ Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—54 гг. «Тр. Киргиз. археол.-этнограф. эксп.», т. II, М., 1959.

⁴ В раскопках в разные годы принимали участие и оказали помощь Г. А. Брыкина, Т. М. Смирнова — сотрудники Института археологии АН СССР и Я. А. Шер — местный учитель истории, которым автор весьма признателен.

буддийского храма и около 100 м южнее шахристана городища Ак-Бешим.

Выбор объекта для раскопок обусловливался задачей исследовать загородный замок землевладельца. Внешне холм, под которым было скрыто сооружение, имел хорошую сохранность, почти квадратное основание со сторонами 50—55 м. Хорошо выделялись следующие части холма: высокая вершина округлой формы, перед нею к северу более низкая площадка с небольшим углублением, далее к северу некое повышение с выступом. Соответственно этим элементам холма предполагалось, что под холмом скрыто гражданское сооружение в виде комплекса помещений в центре, с двориком перед ними и входными воротами, обращенными на север — к шахристану.

Симметричность отдельных частей холма подсказала и прием для раскопок: через холм была проведена генеральная бровка, которая делила весь объект раскопок пополам. Вначале раскапывалась западная половина, на которой были расстрассированы раскопы шириною 6 м и длиной 20 м. В дальнейшем, когда планировка сооружения выявилась четко, вскрытие производилось по отдельным помещениям или их частям.

В начале раскопок, после удаления дерна и верхнего пласта аморфной земли на глубину до 30 см, обнаружены стены, сложенные из большемерного необожженного кирпича. Контуры стен дали планировку, необычную для гражданского сооружения и сходную в главных частях с планировкой первого буддийского храма. Стало очевидно, что мы имеем дело с каким-то культовым сооружением, весьма обширным и сложным по планировке; это сооружение имеет четыре составных части: центральное помещение, два концентрически расположенных коридора, а перед ними дворик, замкнутый с севера стеной-оградой с входными воротами.

Планировка храма оказалась настолько строго симметричной, что после вскрытия западной половины восточную мы расстрассировали соответственно основным размерам ее западной части. Размеры помещений, стен и их направление быстро и точно определились, что значительно облегчило работу. В дальнейшем оказалось, что размещение постаментов для скульптур и суфы также было подчинено общему правилу симметричной планировки (рис. 1).

Культовая принадлежность сооружения прояснилась позднее; когда раскопки достигли уровня пола, были найдены постаменты, обломки скульптур и фрагменты росписей на сюжеты буддийского пантеона.

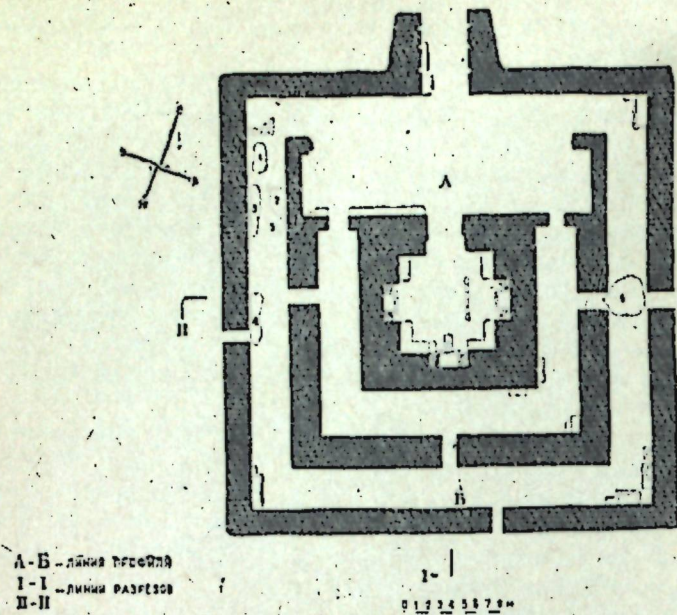

Рис. 1. Генеральный план второго буддийского храма.

Ниже дается описание всего храмового сооружения после завершения раскопок.

Храм занимает значительную площадь. В плане он почти квадратный с размерами сторон с севера на юг 38,4 м и с запада на восток 38 м. С севера к главному входу примыкают, кроме того, два предвратных пилона размером 4,8×2,2 м. В состав храма входят следующие элементы: 1) главный вход с пилонами с внешней стороны; 2) внутренний двор; 3) алтарная часть храма (центральное святилище); 4) внутренний обходной коридор; 5) внешний обходной коридор. Все элементы плана связаны между собою дверными проходами, а внутренний двор объединяет их.

Главный вход имел ширину 3,8 м при глубине прохода 6,8 м. С внешней стороны главный вход оформляли два фланкирующих пилона с трапецевидным в плане основанием. Пилоны были сложены из пахсовых блоков. Они не только подчеркивали внушительность и монументальность храма при входе в него, но и являлись опорами надвратного перекрытия. Конструкция этого перекрытия не могла быть установлена при раскопках, но его существование несомненно. Об этом свидетельствуют следующие наблюдения. Внутренние грани стен имели хорошую сохранность без значительных следов размы-

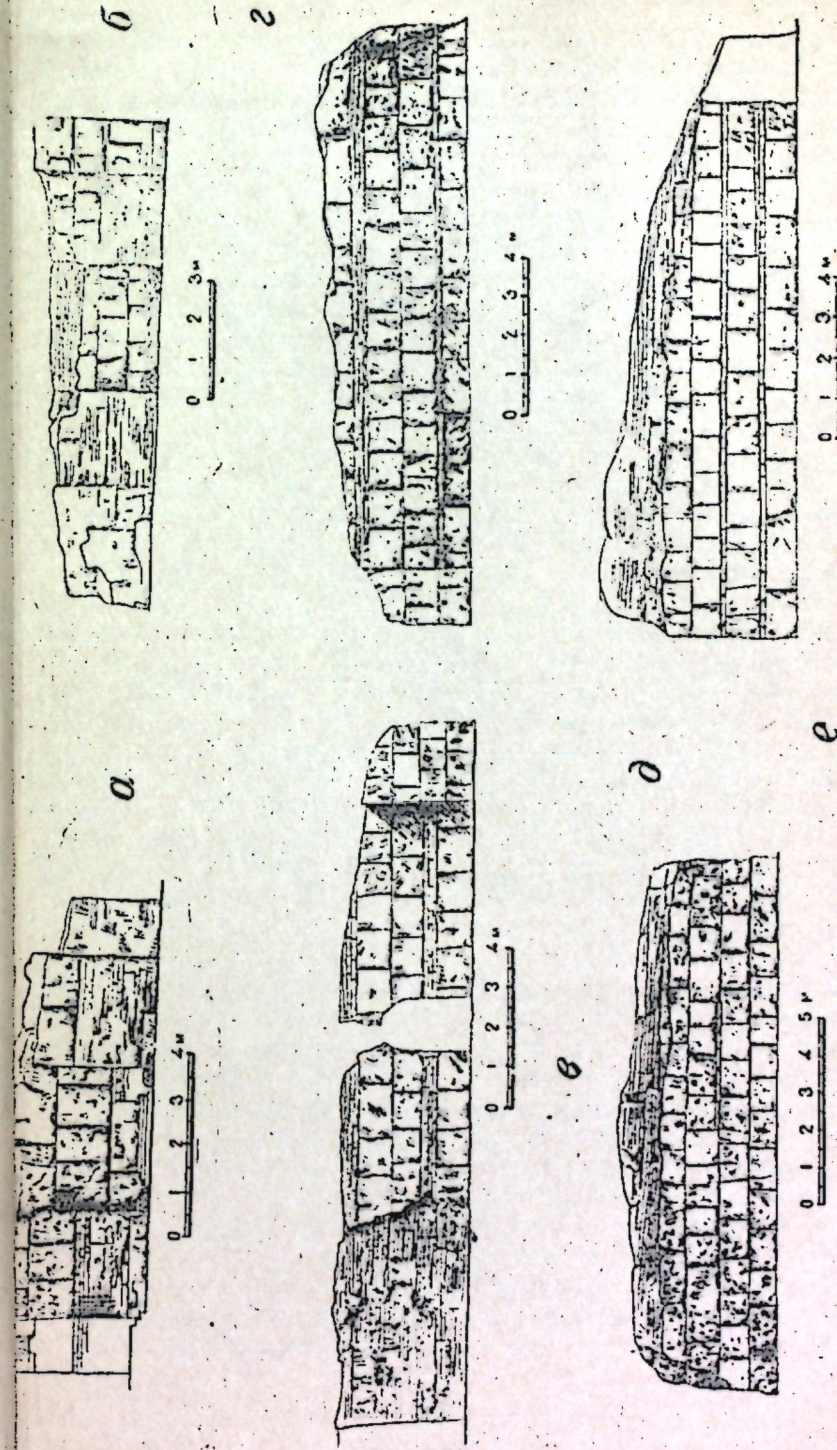

Рис. 2. Прорисовка граней стен храмовых помещений: а) западная стена храмовых помещений; б) восточная стена алтарного помещения; в) западная стена внутреннего коридора; г) восточная стена западного внутреннего коридора; д) северная стена восточного внутреннего коридора; е) западная стена восточного внутреннего коридора.

ва, что характерно для внешних граней стен пилонов да и всего храма. Первоначально они были оштукатурены, побелены и раскрашены многоцветной росписью. Мелкие фрагменты штукатурки со следами красочных орнаментов мы нашли на полу прохода. Возможно, что и потолок вероятного покрытия также имел штукатурку, побелку и раскраску. На внутренних стенах главного входа, кроме того, найдены пазы по три с каждой стороны, куда вставлялись столбы диаметром до 20 см. Эти столбы могли служить дополнительными опорами перекрытия, а также для навешивания дверных полотенца.

Вдоль стен главного входа, справа и слева, располагались суфы, сложенные из кирпича в три-четыре ряда. Они плохо сохранились. В главном входе мы нашли остатки простейших очагов и большое количество шлака, что свидетельствует о разрушениях после запустения храма.

Минова ворота, мы входим во внутренний открытый двор прямоугольной формы размером 24,3×10 м. Никаких конструктивных особенностей он не имел, по-видимому, не было и обычных в среднеазиатских условиях айванов, т. е. навесов вдоль стен, которые создавали в летнее время тень для паломников, а в дождливую пору — укрытие от дождя, так как мы не обнаружили ям от столбов. Двор был открытый. В южной части двора, вдоль стен алтарного помещения и внутреннего коридора, плохо сохранились лавки из сырцового кирпича (суфы—размеры одной 6,3×0,7 м, другой 2,1×0,7 м). Кирпич был размыт. Размеры и очертания суф прослеживались с трудом. Отсутствие айванов подтверждается также и тем, что стены, окаймлявшие двор, были весьма разрушены, блоки выявлялись с трудом. Порча граней стен несомненно происходила еще в период существования храма, а после его разрушения она прогрессировала. Раскопки территории двора не дали вещей, которые можно с уверенностью отнести ко времени существования храма. Всё немногое, что здесь найдено, относится уже ко времени после разрушения храма. Мы не смогли даже установить первоначальный уровень поверхности двора и условно приравнивали его к уровню полов, примыкавших к двору внутренней и внешней галерей. Скопление воды в западной холме, где помещался ранее двор, создало аморфность и сильную уплотненность заполнявшей его земли.

В алтарное помещение (центральное святилище) из двора вел широкий вход (ширина 2,8 м), расположенный прямо перед главным входом храма. Ввиду того, что уровень пола алтаря был выше уровня полов коридоров и двора на высоту одного стандартного нахсового блока (т. е. около одного метра), здесь был устроен пандус (рис. 16). Проход в алтарное помещение на середине его длины с внутренней стороны немного

Рис. 3. Голова бодисатви.

расширялся — до 3,2 м, а на стенах прохода выявлены уступы по 0,2 м с обеих сторон.

Как видно на генеральном плане храма, алтарное помещение имело крестовидную планировку. Его максимальный габарит вписывается в прямоугольник размером 10,5×10 м. В каждом из четырех углов этого прямоугольника вплотную к стенам были положены нахсовые блоки или кирпичная кладка, что и создало крестовидную планировку всего помещения и своеобразные ниши по середине западной, южной и восточной сторон. Эти дополнения в углах никакой перевязки с основными стенами не имели.

Стены сохранились на высоту до 4 м, в некоторых местах имеется даже штукатурка, на которой видны следы побелки и росписи (рис. 28).

Кладка стен осуществлена следующим образом. В основание стен алтарного помещения (с внутренней стороны) было положено 10 рядов кирпича на высоту около 0,9 м, что равняется средней высоте пахсового блока. Выше положены пахсовые блоки. До уровня кирпичной кладки пол в алтарном помещении был засыпан землей и утрамбован, что и приподняло его над уровнем полов в галереях (рис. 16).

В каждой из трех упомянутых ниш находились трехступенчатые постаменты (их высота 27—29 см), сложенные из трех рядов кирпича, а по сторонам этих постаментов—сферические постаменты с изображением лепестков лотоса на поверхностях. Таким образом, мы имеем три ступенчатых прямоугольных постаментов и шесть сферических. Вдоль стен, кроме того, располагались кирпичные лавки (высота 30 см) без ступенек. На постаментах, а также, по-видимому, и на лавках располагались скульптурные фигуры и композиции, обломки которых найдены на полу (рис. 26, 31, 33).

Внутренний обходной коридор опоясывает алтарное помещение с западной, южной и восточной сторон. В него ведут из внутреннего двора два входа шириною 1,6 м. Сужение дверного проема по сравнению с шириной коридора создано кладкой двух пахсовых блоков по сторонам проема. Размеры внутреннего коридора таковы: ширина в западной части 3,42 м, южной 3,15 м, восточной 3,5 м при длине соответственно 16,5 м, 21,6 м, 16,6 м (размеры западного и восточного коридоров брались до поворота в южный). Мелкие фрагменты росписи, по-видимому растительного характера, встречались повсеместно на полу.

В западной части внутреннего обходного коридора и примыкающей к ней южной части постаментов не сохранилось, хотя куски скульптур были найдены, а у поворота из западного в южный коридор на стене обнаружены остатки лепного нимба. Здесь же на полу найдена ступня ноги, стоявшей на кирпиче (рис. 12-г). По-видимому, западной части внутреннего коридора принадлежит часть сферического постамента и те обломки скульптур, которые были найдены в закладке западного дверного проема из внешнего обходного коридора наружу.

В южном внутреннем обходном коридоре в юго-вост. углу найдено два постаментов. Один из них находился в самом углу галереи и имел почти квадратную форму (размер 100×100 см). Над ним образовался слой завала толщиной в 30 см, на котором сделана позднейшая надстройка — суфа иных размеров—70×130 см, причем кладка из кирпича этой надстроенной су-

Рис. 4. Торс фигуры бодисатвы.

фы только обрамляла ее края, а в середине находилась уплотненная глина завала. Второй постамент сохранился плохо ввиду того, что здесь после разрушения храма была сооружена яма, дно которой разрушило его значительную часть. Размеры постамента (115—150 см) определены приблизительно по сохранившимся на месте кирпичам. Здесь же около постаментов и на полу найдены фрагменты скульптур, однотонно окрашенных в ярко-красный цвет по белой грунтовке. Фрагменты относились к торсам фигур. Можно было усмотреть крупные складки одежды.

При повороте в восточную часть внутреннего обходного коридора открыт прямоугольный двухступенчатый постамент, украшенный по краю лепными лепестками лотоса. Лепестки лотоса и остатки скульптур найдены на полу (рис. 33).

Кроме упомянутых дверных проемов во двор из западной и восточной частей внутреннего обходного коридора, имелись дверные переходы во внешний обходной коридор. Их было три: из западной, южной и восточной частей внутреннего обходного коридора в соответствующие части внешнего коридора.

Внешний обходной коридор опоясывал внутренний и замкал весь храм. Из внутреннего двора в него, как и во внутренний коридор, вело два входа шириною 2,2 м — в западном и восточном концах двора. Оба входа оформлялись пилонами, образованными поворотами стены в сторону двора.

Размеры внешнего коридора в западной, южной и восточной частях соответственно были: длина — 31,1 м, 33,55 м и 34,1 м; ширина — 3,4—3,2 м, 3,3—3,4 м, 3,5—3,3 м. В южной части коридора никаких переделок, относящихся ко времени после гибели храма, не обнаружено. Пол и стены сохранились хорошо. Вдоль обеих граней стен на уровне нижнего ряда паховых блоков находилась полка. Она была образована при строительстве за счет скошенного нижнего угла второго ряда блоков. Такая же полка имела и в восточной части внешнего коридора, но здесь она тянулась по обоим граням стен только до арки и наружного выхода (рис. 29).

Во внешнем обходном коридоре остатки скульптур и постаментов для них были найдены в юго-вост., юго-зап. и сев.-вост. углах. В юго-зап. углу постамент был прямоугольной формы из двух ступенек с небольшой пристройкой в одну ступеньку, его размеры: длина—2,8 м, ширина 1 м. Этот постамент, как и все другие, был тщательно обмазан глиной, а также побелен и раскрашен красной краской. На постаменте некогда стояла фигура будды с коническими завитками волос на голове. Завитки найдены вместе с другими частями фигуры на полу около постамента.

В юго-вост. углу внешнего обходного коридора найдено

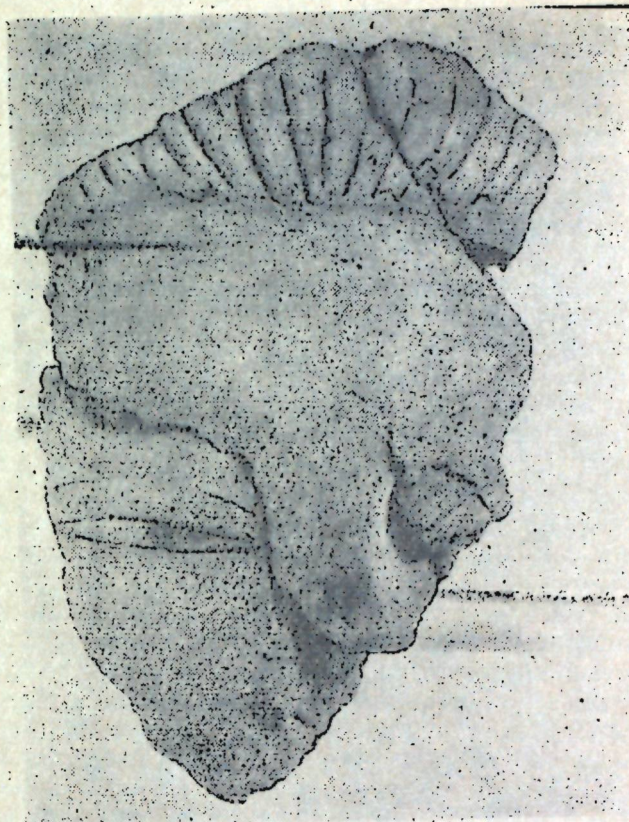

Рис. 5. Лицо будды (фрагмент).

три постамента. Один из них был трехступенчатым прямоугольным. К нему примыкала с запада небольшая одноступенчатая лавка. Вдоль восточной стены внешнего коридора располагалось два постамента: один из них фигурный в виде полуцилиндра с каннелюрами на боковой поверхности, а другой — в виде одноступенчатой лавки высотой 30 см (рис. 29). Фигурный постамент сохранился плохо. Он был сложен не из кирпича, а вырезан из материковой глины, а потом обмазан. В этом углу на одном из постаментов, по-видимому трехступенчатым, также стояла фигура будды, от которой найдены конические завитки волос.

Около упомянутых постаментов и на полу коридора найдено много обломков скульптур и лепных украшений, а также обломки штукатурки с побелкой и многоцветной раскраской и геометризованные лепные украшения со стен. Подобные об-

ломки штукатурки находились повсюду на цолю обходных коридоров.

В сев.-вост. углу храма открыта плохо сохранившаяся суфа-постамент прямоугольной формы. Здесь же найдены небольшие обломки скульптур. Постамент был поврежден позднейшими обитателями в руинах храма. Они устроили на нем большой очаг, огонь которого прокалил стены в углу коридора. Несколько мелких очажков обнаружено и около постамента. Пол также имел плохую сохранность и выявлялся с трудом.

Большая яма (на плане № 6), заполненная древесным углем и металлическим шлаком, найдена в восточной части внешнего коридора между аркой и наружным входом. Все это — следы позднейшего обитания в руинах храма.

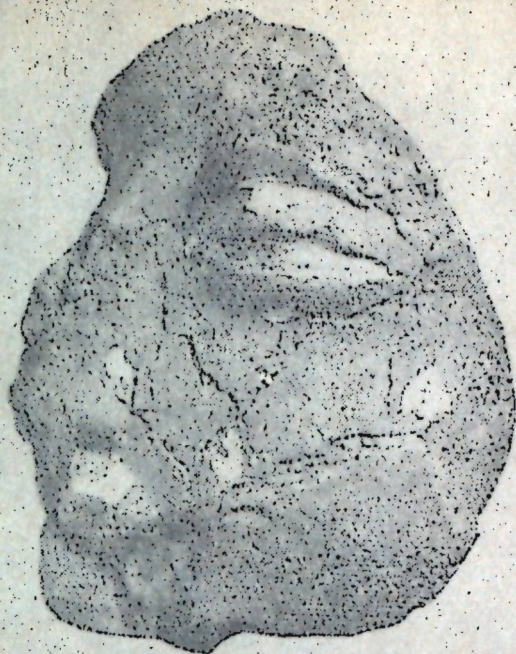
По-видимому, и в сев.-зап. углу храма первоначально также имелась суфа-постамент со скульптурами, но образованные позднее меднолитейная мастерская и четыре ямы (на плане № 1, 2, 3 и 5), заполненные металлическим шлаком, полностью уничтожили даже их признаки.

Войти во внешний коридор можно было не только со двора, но и из внутреннего обходного коридора через арочные проходы. Кроме описанного выше главного входа, в храме, имелись еще три наружных выхода, но более узких. Западный и южный выходы имели ширину 0,9 м, что равнялось ширине типичного пахсового блока, а восточный — наружный выход — имел полуторный размер блока, т. е. 1,4 м.

Западный наружный выход был заложен кирпичом вторичного использования, большими кусками скульптур и одним куском сферического постамента, аналогичного тем, которые оказались на месте и в нишах алтарного помещения. Эта закладка была произведена, конечно, после разрушения храма людьми, приспособившими руины для своего обитания (рис. 32).

Какого характера были внешние двери храма в западной, южной и восточной стенах из-за плохой сохранности судить невозможно. Столбы для навешивания воротных полотнищ обнаружены только в главном входе, хотя, такие столбы непременно должны были быть и во внешних выходах.

Неясным осталось оформление входа в оба внешних коридора со стороны двора. Обращают внимание два пилона у западного и восточного входов во внешний коридор. Они образованы поворотом во двор стены, разделяющей оба коридора. Их наличие свидетельствует о существовании какой-то перекрытия над входами.

а

б

Рис. 6. а) Лицо докшита (фрагмент), б) лицо неопознанной статуи (фрагмент).

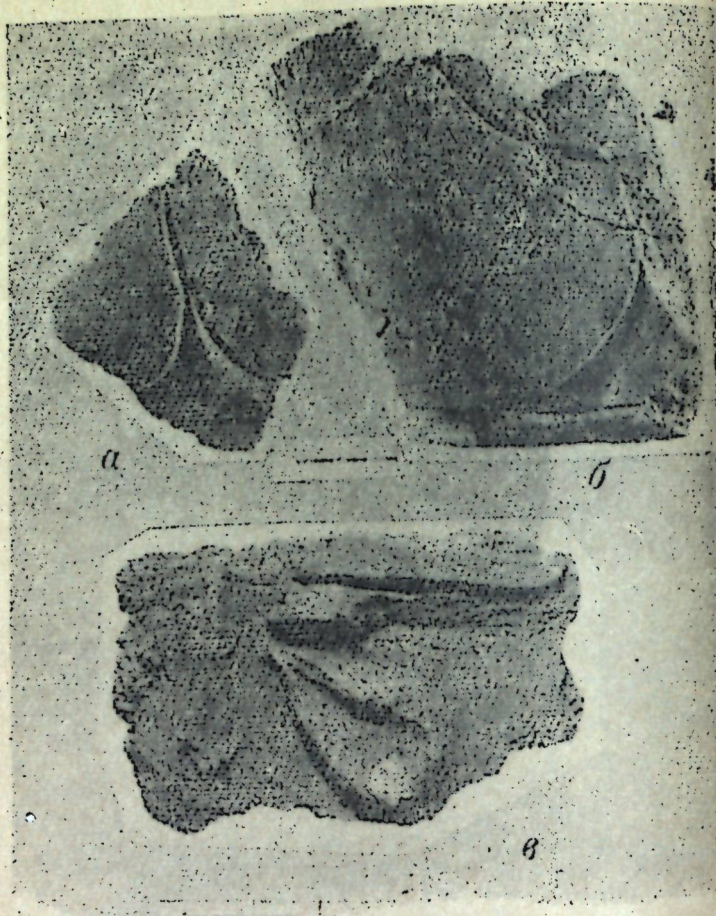

Рис. 7. а, б) Обломки сферических постаментов с изображением лепестков лотоса; в) обломок настенной лепнины.

Арки или их следы сохранились в западном, южном и восточном дверных проходах между обходными коридорами (рис. 18, 19, 24), среди них лучшую сохранность имела восточная, хотя внешняя сторона ее обвалилась. Она сложена из кирпичей. На ее вершине, где в каменных арках кладется замковый камень, положена часть обычного кирпича, затесанного в виде клина, а значительные пустоты между кирпичами забиты глиняным с соломой раствором. Основание арки покоится на пахсовых блоках. В нем открыты особые горизонтальные «шахты». Их было четыре, причем располагались они парами, по две на каждой стене прохода: две из них ближе к внутренней

грани стены, две — к наружной (примерно на $\frac{1}{4}$ толщины всей стены). Устье «шахт» представляло собою квадратное отверстие размером $0,25 \times 0,25$ м глубиной до 0,5 м. Эти размеры соответствуют средним размерам кирпича, из которого построен храм. В них, вероятно, вкладывались деревянные балки, назначение которых было двойное: укреплять основание арки и служить элементом двери. Подобные «шахты» в аналогичном расположении мы нашли в западной арке, а в южной они не сохранились.

Южная арка была сложена также из кирпича, но сохранилась очень плохо. Западная арка имела несколько отличную конструкцию по сравнению с восточной. Свод ее был вырублен в стене, состоящей из пахсовых блоков, и только на вершине свода арки были положены горизонтальные ряды кирпичей (сохранились три ряда, рис. 24). Следы рубящего инструмента четко заметны в виде зарубок длиной 4—6 см. Сооруженная таким образом арка получилась несимметричной, особенно со стороны внутреннего обходного коридора. Здесь она сохранилась лучше. Наружная сторона арки сохранилась только частично. В основании ее была видна кладка кирпича и нижние ветви архивольта, окаймлявшего арку со стороны внешней галереи. Подобный архивольт на южной арке не сохранился совсем, а на восточной остались только признаки его, т. е. наклонные кирпичи одного конца дуги архивольта.

Мы не знаем полных аналогий плану второго храма среди буддийских культовых сооружений или других архитектурных памятников, синхронных или более ранних, чем наш памятник. Но если этот план рассматривать по его элементам, то нетрудно установить, что они вполне согласуются с требованиями буддийского канона при сооружении культовых зданий, а также с архитектурными традициями, существовавшими в период сооружения нашего храма. Элементами плана буддийских храмов, известных среди ансамблей в Северо-Западном Китае, Афганистане, а также Средней Азии, являются: алтарное помещение, или центральное святилище, где размещают скульптуру главного будды храма; обходной коридор (один, редко два), опоясывающий алтарное помещение обычно с трех сторон; перед ними — открытый двор или закрытая зала для богослужений, как это имело место в первом храме. Эти элементы планов характерны для больших храмов¹. Другие буддий-

¹ Например, в Шикшине А-2, С-4, С-5в, F=K13, Z=6 и др., а также монастырь № 9, храм № 1 в Сенгим-Агызе. См.: С. Ф. Ольденбург. Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 гг. Краткий предварительный отчет. СПб., 1914, В Кара-Шаре — храм XXVI, в урочище Мин-Уй — храм XII и XIII. См.: А. Stein. Serindia, Oxford, 1921, t. II, p. 1187, 1188, 1192—1194; Pl. 52—53. Кроме того, сравнить у А. Grünwedel. Altbuddistische Kultstätten. S. 220, fig. 489, S. 224, fig. 494.

ские культовые сооружения имеют более простую планировку. Два concentрических обходных коридора, крестовидное очертание плана алтарного помещения и такое же расположение внутренних переходов и внешних выходов также не являются исключительной особенностью плана второго буддийского храма Ак-Бешимского городища; хотя эти элементы плана в других случаях встречаются значительно реже. Например, в Муртун-Су (Восточный Туркестан) храм А имеет два concentрических коридора¹. Два обходных коридора имеют и монастыри № 7 и № 8 в Сенгим-Агызе².

Крестовидная планировка алтарного помещения встречается у буддийских культовых сооружений значительно чаще, чем у concentрических обходных коридора. Она известна для построек другого назначения как синхронных второму храму, так и значительно более поздних. Прежде всего необходимо указать на христианскую церковь VIII в., исследованную Л. Р. Кызласовым на Ак-Бешимском городище, которая относится, как устанавливает автор раскопок, к типу «сирийских крестовокупольных церквей»³.

Для христиан крестовидная планировка является обычной, легко понимаемой и соответствует их догматам. Труднее объяснить это явление у буддистов, которые не придавали значения кресту как символу. Тем не менее, крестовидная планировка у буддийских культовых сооружений встречается⁴, она, по-видимому, не имела особого догматического смысла, а отвечала чисто практическим потребностям: расширить площадь помещения без увеличения пролета перекрытия и получить ниши, в которых удобнее разместить священные скульптуры в некотором уединении, что уже отвечало каноническим нормам буддистов.

Позднее, вплоть до развитого средневековья и нового времени, на тех же территориях Афганистана, Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана крестовидная планировка главных помещений мечетей и мавзолеев применялась широ-

¹ А. Grünwedel, Указ. соч., стр. 308, рис. 624, текст, стр. 312.

² С. Ф. Ольденбург. Русская Туркестанская экспедиция, стр. 41, 42, рис. 42.

³ Л. Р. Кызласов. Археологические исследования городища Ак-Бешим, стр. 231—233.

⁴ Чаще всего такая планировка встречается у пещерных культовых сооружений. А. Godard, J. Godard, J. Hackin. Les Antiquités Bouddhiques de Bamian. Paris, 1928, стр. 51, рис. 18; стр. 54, рис. 20. С. М. Дудин. Архитектурные памятники Китайского Туркестана, Петербург, 1916, стр. 65—план чайхы около храма в Идикут-Шари.

ко¹. Это делалось уже мусульманами, которые не придавали никакого догматического значения кресту в плане, а следовали давно и прочно установившейся архитектурной традиции. Этому способствовало и то обстоятельство, что утверждение мусульманства сопровождалось приспособлением старых культовых помещений к потребностям новой религии.

Различная ориентировка главных входов наблюдается у всех буддийских храмов, монастырей, часовен и других культовых сооружений и подчиняется, по-видимому, только одному требованию — положению на местности². Наличие во втором храме, кроме главного входа, еще трех боковых и отсутствие подобных «запасных» проходов у других культовых сооружений, вероятно, объясняется тем, что канон не предъявлял к этому особых требований.

Наблюдений, на основании которых можно было бы с большой очевидностью представить себе форму и конструкцию кровли над всеми частями храма, очень мало. Кажется несомненным только существование сводчатого перекрытия над внутренним коридором. В пользу этого говорит то обстоятельство, что в южной части внутреннего коридора сохранилось два верхних ряда кирпичной кладки. Ниже лежали также кирпичи. Эти два ряда кирпичей на 3—5 см выступали внутрь, что всегда наблюдается при сводчатых перекрытиях. В этом месте мы можем измерить полную высоту стены, равную 2,8 м. Если к этому прибавить примерно 1,5—1,8 м высоты свода, то получим высоту всего помещения, равную 4,3—4,6 м³.

Труднее реконструировать перекрытие над алтарным помещением. Некоторое представление о его характере дает сама крестовидная планировка, обусловленная трудностью возведения перекрытия.

¹ В мавзолее Кыз-биби (IX—X вв.) близ Мерва, а также в плане мазара Кумберляйна (XVI в.) почти полностью повторяется план алтарного помещения второго храма; Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, стр. 175, 441. В ансамблях XIV—XVI вв. Чар-Бахра и Шахи-Зида, в мечети 1435 г. Улубека в Шахрисабзе мы видим принципиально такую же планировку главных помещений. Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана, Ташкент, 1958, стр. 91, рис. 31, стр. 109, рис. 34, стр. 140, рис. 38.

² А. Позднеев пишет, что современные монгольские храмы, согласно обязательному требованию канона, имеют главный вход, ориентированный на юг. Кроме главного входа, который почти всегда закрыт, имеется несколько боковых, которые для посетителей открыты. См.: Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб., 1887 г., «Зап. Русск. географ. о-ва по отделению этнографии», т. 26 стр. 27, 37.

³ Этот расчет будет верен, если предположить, что свод был полуциркульным, т. е. радиус равен половине ширины помещений.

ские культовые сооружения имеют более простую планировку. Два концентрических обходных коридора, крестовидное очертание плана алтарного помещения и такое же расположение внутренних переходов и внешних выходов также не являются исключительной особенностью плана второго буддийского храма Ак-Бешимского городища, хотя эти элементы плана в других случаях встречаются значительно реже. Например, в Муртун-Су (Восточный Туркестан) храм А имеет два концентрических коридора¹. Два обходных коридора имеют и монастыри № 7 и № 8 в Сенгим-Агызе².

Крестовидная планировка алтарного помещения встречается у буддийских культовых сооружений значительно чаще, чем два концентрических обходных коридора. Она известна для построек другого назначения как синхронных второму храму, так и значительно более поздних. Прежде всего необходимо указать на христианскую церковь VIII в., исследованную Л. Р. Кызласовым на Ак-Бешимском городище, которая относится, как устанавливает автор раскопок, к типу «сирийских крестовокупольных церквей»³.

Для христиан крестовидная планировка является обычной, легко понимаемой и соответствует их догматам. Труднее объяснить это явление у буддистов, которые не придавали значения кресту как символу. Тем не менее, крестовидная планировка у буддийских культовых сооружений встречается⁴, она, по-видимому, не имела особого догматического смысла, а отвечала чисто практическим потребностям: расширить площадь помещения без увеличения пролета перекрытия и получить ниши, в которых удобнее разместить священные скульптуры в некотором уединении, что уже отвечало каноническим нормам буддистов.

Позднее, вплоть до развитого средневековья и нового времени, на тех же территориях Афганистана, Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана крестовидная планировка главных помещений мечетей и мавзолеев, применялась широ-

¹ А. Grünwedel, Указ. соч., стр. 308, рис. 624, текст, стр. 312.

² С. Ф. Ольденбург. Русская Туркестанская экспедиция, стр. 41, рис. 42.

³ Л. Р. Кызласов. Археологические исследования городища Ак-Бешим, стр. 231—233.

⁴ Чаще всего такая планировка встречается у пещерных культовых сооружений. А. Godard, J. Godard, J. Hackin. Les Antiquités Bouddhiques de Bamiyan. Paris, 1928, стр. 51, рис. 18, стр. 54, рис. 20. С. М. Дудин. Архитектурные памятники Китайского Туркестана, Петербург, 1916, стр. 65—план чайны около храма в Идикут-Шари.

ко¹. Это делалось уже мусульманами, которые не придавали никакого догматического значения кресту в плане, а следовали давно и прочно установившейся архитектурной традиции. Этому способствовало и то обстоятельство, что утверждение мусульманства сопровождалось приспособлением старых культовых помещений к потребностям новой религии.

Различная ориентировка главных входов наблюдается у всех буддийских храмов, монастырей, часовен и других культовых сооружений и подчиняется, по-видимому, только одному требованию — положению на местности². Наличие во втором храме, кроме главного входа, еще трех боковых и отсутствие подобных «запасных» проходов у других культовых сооружений, вероятно, объясняется тем, что канон не предъявлял к этому особых требований.

Наблюдений, на основании которых можно было бы с большой очевидностью представить себе форму и конструкцию кровли над всеми частями храма, очень мало. Кажется несомненным только существование сводчатого перекрытия над внутренним коридором. В пользу этого говорит то обстоятельство, что в южной части внутреннего коридора сохранилось два верхних ряда кирпичной кладки. Ниже лежали также кирпичи. Эти два ряда кирпичей на 3—5 см выступали внутрь, что всегда наблюдается при сводчатых перекрытиях. В этом месте мы можем измерить полную высоту стены, равную 2,8 м. Если к этому прибавить примерно 1,5—1,8 м высоты свода, то получим высоту всего помещения, равную 4,3—4,6 м³.

Труднее реконструировать перекрытие над алтарным помещением. Некоторое представление о его характере дает сама крестовидная планировка, обусловленная трудностью возведения перекрытия.

¹ В мавзолее Кыз-биби (IX—X вв.) близ Мерва, а также в плане мазара Кумберляйна (XVI в.) почти полностью повторяется план алтарного помещения второго храма; Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, стр. 175, 441. В ансамблях XIV—XVI вв. Чар-Бакра и Шахи-Зинда, в мечети 1435 г. Улубека в Шахрисябзе мы видим принципиально такую же планировку главных помещений. Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана, Ташкент, 1958, стр. 91, рис. 31, стр. 109, рис. 34, стр. 140, рис. 38.

² А. Позднеев пишет, что современные монгольские храмы, согласно обязательному требованию канона, имеют главный вход, ориентированный на юг. Кроме главного входа, который почти всегда закрыт, имеется несколько боковых, которые для посетителей открыты. См.: Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб., 1887 г., «Зап. Русск. географ. о-ва по отделению этнографии», т. 26 стр. 27, 37.

³ Этот расчет будет верен, если предположить, что свод был полуциркульным, т. е. радиус равен половине ширины помещений.

ские культовые сооружения имеют более простую планировку. Два концентрических обходных коридора, крестовидное очертание плана алтарного помещения и такое же расположение внутренних переходов и внешних выходов также не являются исключительной особенностью плана второго буддийского храма Ак-Бешимского городища, хотя эти элементы плана в других случаях встречаются значительно реже. Например, в Муртун-Су (Восточный Туркестан) храм А имеет два концентрических коридора¹. Два обходных коридора имеют и монастыри № 7 и № 8 в Сенгим-Агызе².

Крестовидная планировка алтарного помещения встречается у буддийских культовых сооружений значительно чаще, чем два концентрических обходных коридора. Она известна для построек другого назначения как синхронных второму храму, так и значительно более поздних. Прежде всего необходимо указать на христианскую церковь VIII в., исследованную Л. Р. Кызласовым на Ак-Бешимском городище, которая относится, как устанавливает автор раскопок, к типу «сирийских крестовокупольных церквей»³.

Для христиан крестовидная планировка является обычной, легко понимаемой и соответствует их догматам. Труднее объяснить это явление у буддистов, которые не придавали значения кресту как символу. Тем не менее, крестовидная планировка у буддийских культовых сооружений встречается⁴, она, по-видимому, не имела особого догматического смысла, а отвечала чисто практическим потребностям: расширить площадь помещения без увеличения пролета перекрытия и получить ниши, в которых удобнее разместить священные скульптуры в некотором единении, что уже отвечало каноническим нормам буддистов.

Позднее, вплоть до развитого средневековья и нового времени, на тех же территориях Афганистана, Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана крестовидная планировка главных помещений мечетей и мавзолеев применялась широ-

¹ А. Grünwedel, Указ. соч., стр. 308, рис. 624, текст, стр. 312.

² С. Ф. Ольденбург. Русская Туркестанская экспедиция, стр. 41, 42, рис. 42.

³ Л. Р. Кызласов. Археологические исследования городища Ак-Бешим, стр. 231—233.

⁴ Чаще всего такая планировка встречается у пещерных культовых сооружений. А. Godard, J. Godard, J. Hackin. Les Antiquités Bouddhiques de Bamian. Paris, 1928, стр. 51, рис. 18; стр. 54, рис. 20. С. М. Дудин. Архитектурные памятники Китайского Туркестана, Петроград, 1916, стр. 65—план чайты около храма в Идикут-Шари.

ко¹. Это делалось уже мусульманами, которые не придавали никакого догматического значения кресту в плане, а следовали давно и прочно установившейся архитектурной традиции. Этому способствовало и то обстоятельство, что утверждение мусульманства сопровождалось приспособлением старых культовых помещений к потребностям новой религии.

Различная ориентировка главных входов наблюдается у всех буддийских храмов, монастырей, часовен и других культовых сооружений и подчиняется, по-видимому, только одному требованию — положению на местности². Наличие во втором храме, кроме главного входа, еще трех боковых и отсутствие подобных «запасных» проходов у других культовых сооружений, вероятно, объясняется тем, что канон не предъявлял к этому особых требований.

Наблюдений, на основании которых можно было бы с большой очевидностью представить себе форму и конструкцию кровли над всеми частями храма, очень мало. Кажется несомненным только существование сводчатого перекрытия над внутренним коридором. В пользу этого говорит то обстоятельство, что в южной части внутреннего коридора сохранилось два верхних ряда кирпичной кладки. Ниже лежали также кирпичи. Эти два ряда кирпичей на 3—5 см выступали внутрь, что всегда наблюдается при сводчатых перекрытиях. В этом месте мы можем измерить полную высоту стены, равную 2,8 м. Если к этому прибавить примерно 1,5—1,8 м высоты свода, то получим высоту всего помещения, равную 4,3—4,6 м³.

Труднее реконструировать перекрытие над алтарным помещением. Некоторое представление о его характере дает сама крестовидная планировка, обусловленная трудностью возведения перекрытия.

¹ В мавзолее Кыз-биби (IX—X вв.) близ Мерва, а также в плане мазара Кумберляйна (XVI в.) почти полностью повторяется план алтарного помещения второго храма; Г. А. Пугаченкова, Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. М., 1958, стр. 175, 441. В ансамблях XIV—XVI вв. Чар-Бакра и Шахи-Зинда, в мечети 1435 г. Улубека в Шахрисябзе мы видим принципиально такую же планировку главных помещений. Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель. Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана, Ташкент, 1958, стр. 91, рис. 31, стр. 109, рис. 34, стр. 140, рис. 38.

² А. Позднеев пишет, что современные монгольские храмы, согласно обязательному требованию канона, имеют главный вход, ориентированный на юг. Кроме главного входа, который почти всегда закрыт, имеется несколько боковых, которые для посетителей открыты. См.: Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб., 1887 г., «Зап. Русск. географ. о-ва по отделению этнографии», т. 26 стр. 27, 37.

³ Этот расчет будет верен, если предположить, что свод был полуциркульным, т. е. радиус равен половине ширины помещений.

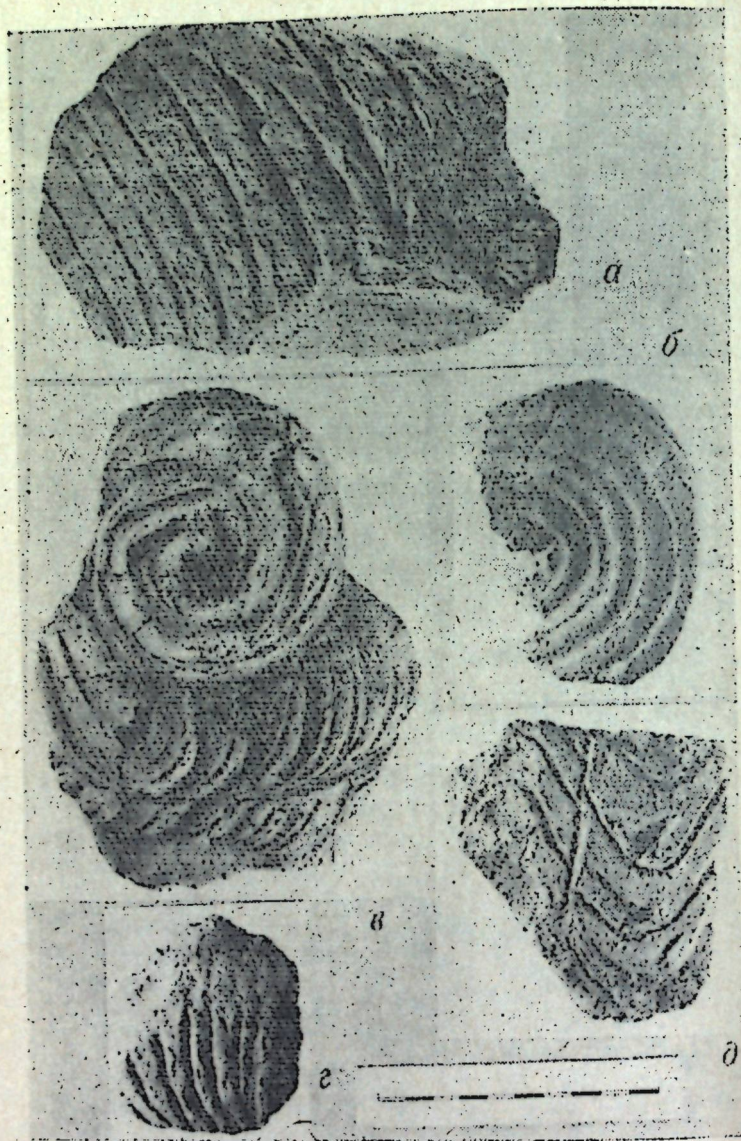

Рис. 8. Скульптурные обломки, изображающие различные типы причесок.

Алтарное помещение вписывается в прямоугольник размером $10,5 \times 10$ м, диагональ помещения (если взять противоположные наиболее удаленные углы) равна 11 м. Перекрытие

такого помещения было очень сложным. Оно могло быть одним из трех типов: 1) купольное, 2) плоское, 3) перекрытие в виде пирамидально расположенных бревен (бревенчатый шатёр).

Первые два типа перекрытий для нашего случая нужно отвергнуть. Для купола мы имеем весьма большой пролет (не менее 11 м). Никаких признаков парусов или тропов, а они обязательны при купольном перекрытии, не сохранилось. Может быть, крестовидный план помещения мог облегчить сооружение купола? Но купольное перекрытие предполагает использование большого количества кирпича, а при очистке от завала алтарного помещения профиль генеральной бровки, проходивший через это помещение, не дал нам большого скопления обломков кирпичей, что должно было быть при существовании купола. Кирпича мы встречали здесь не больше, чем в других помещениях, может быть, даже меньше, чем во внутреннем коридоре, хотя из кирпича были сложены и верхние части алтарных стен.

Для плоского перекрытия обязательны поддерживающие его столбы, однако никаких признаков этих столбов мы не обнаружили. На полу, который не был обмазан глиной, мы не заметили их отпечатков. Не было их и на стенах.

На полу алтарного помещения обнаружена значительная прослойка древесного угля (рис. 15). Наибольшая толщина его (до 0,35 м) отмечена в центре и у выхода из помещения. В восточной части внутреннего коридора слой угля имел толщину около 0,6 м. Это свидетельствует о том, что в устройстве кровли большую, если не главную, роль играло дерево. По сохранившимся кускам угля от круглых бревен определили их диаметр, равный 15—20 см. Много было угольков от тонких прутьев и палок, которые позволяют с уверенностью предполагать использование плетня в перекрытии.

Характер залегания углей в помещении дает основание предполагать существование высокой кровли, состоявшей преимущественно из дерева. При наблюдении различной мощности угольного слоя в различных частях одного здания складывается впечатление, что горящая кровля рухнула не отвесно вниз, а несколько в сторону, именно в направлении сев.-вост. угла здания. Это объясняет постепенное нарастание угольной прослойки в направлении с юго-запада на северо-восток. Мощный слой угля (0,35 м) в алтарном помещении отличен в его сев.-вост. части (у входа и в сев.-вост. углу) и еще больший — в северной части внутреннего восточного коридора, уменьшающийся к югу так, что на стыке восточного и южного внутренних коридоров он был незначительным (5 см).

Рис. 9. Скульптурные обломки, изображающие различные типы причесок.

Из трех вышеупомянутых типов возможного перекрытия святилища наиболее вероятным является перекрытие в виде пирамидально расположенных бревен, достаточно высоко возвышающееся над помещением. Конструктивно такое перекрытие несложно; по сравнению с другими типами не требует обязательно дополнительных вертикальных опор, хотя такие опоры-столбы часто устанавливаются. Находит объяснение и присутствие в прослойке углей многочисленных кусочков веток и палок. Они, вероятно, являются остатками плетня, который был необходим при такой кровле для ликвидации пустот в промежутках между бревнами. Деревянная конструкция такого типа требовала еще и обмазки глиной.

В народной архитектуре советских республик Закавказья, а также в Таджикистане подобная кровля встречается часто главным образом в отдаленных горных районах. У каждого народа она носит своё название: гвиргвини — у грузин, тун или хазарашенк — у армян, карадам — у азербайджанцев, рузан — у таджиков и др. Подобное жилище в Закавказье существовало и в древности (его описал Витрувий). Известно оно и в сопредельных с указанными советскими республиками странах — Афганистане, Северном Китае¹.

Конструкция кровли такого типа проста: на квадратное или прямоугольное основание стен жилища кладут бревна таким образом, что первый венец образует многоугольник. Последующие венцы бревен сужаются и укладываются так, что углы вышележащих венцов покоятся на сторонах нижележащих. На вершине пирамиды такого устройства иногда оставляют дыру для дымоотвода и света. Пустоты между венцами заполняются ветками, камышом и другим растительным материалом, а поверхность кровли обмазывается глиной и присыпается землей. Существует несколько типов кровли в зависимости от способа укладки бревен и венцов. В соответствии с этим меняется и название кровли, но сущность ее остается общей: недостаток длинномерного строительного леса заставляет использовать короткомерные бревна или плахи². Получается своеобразный деревянный сруб-купол или шатер с отверстием на вершине. В настоящее время, не меняя формы и принципа устройства кровли, венцы иногда укладывают

¹ М. Ильян. Древнейшие типы жилищ Закавказья. М., 1946. В. Л. Воронина. Жилища Ванча и Язгулема. Сб. «Архитектура Ср. Азии», М., 1951. А. Stein. Ruins of desert Cathay. London, t. I, 1912, fig. 20.

² А. В. Саркисов, М. Н. Иманов. Некоторые типы народной жилища Кубинского и Кусарского районов. Сб. «Памятники архитектуры Азербайджана», М. — Баку, 1946. М. Ильян (указ. соч., стр. 6, 21) подчеркивает трудность покрытия обширного помещения короткомерным кровельным материалом (лесом).

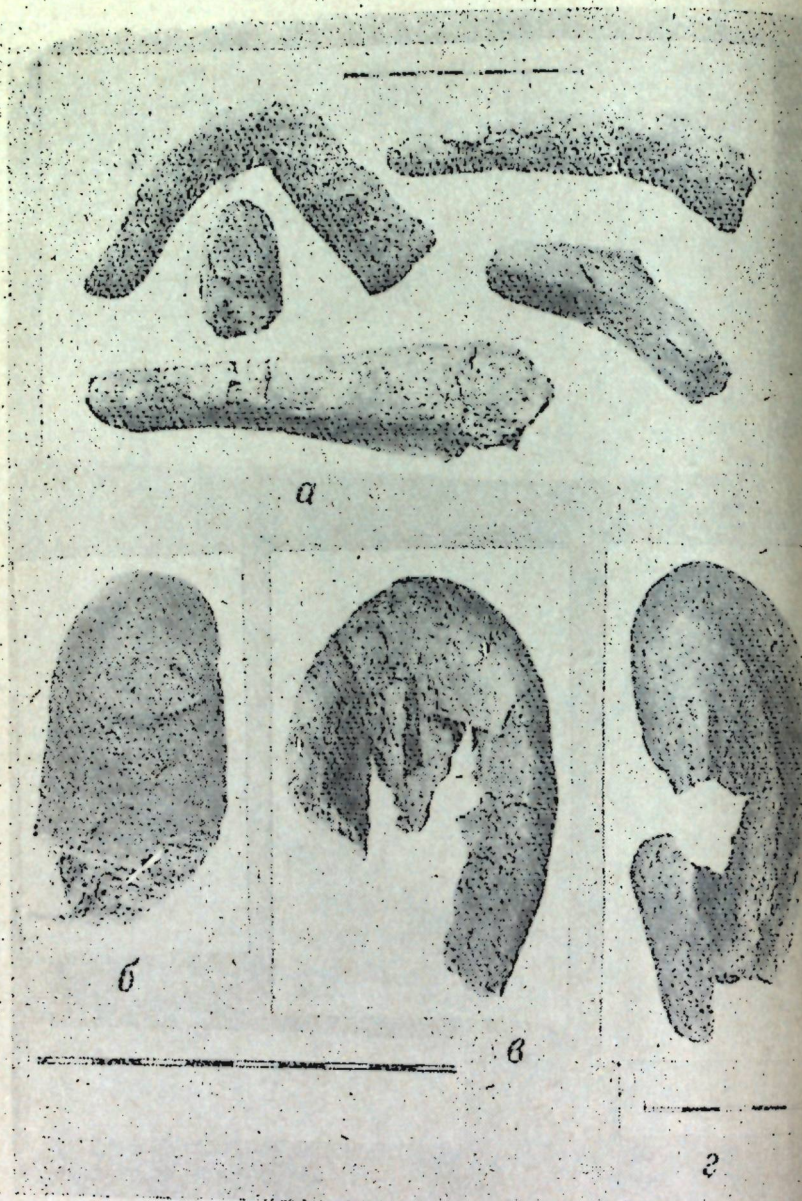

Рис. 10. Фрагменты скульптур: а, б) пальцы рук; в, г) уши.

друг на друга, плотно пригоняя швы между ними, но и в этом случае сверху насыпают землю или обмазывают глиной.

Во многих случаях подобная кровля в наши дни имеет всего несколько венцов, «потолок» только немного возвышается над верхней линией стен и иногда орнаментируется. Это упрощенная конструкция древнего типа кровли, её пережиточная форма¹.

Древне-буддийские культовые здания иногда имели кровлю (или просто потолок, если эти помещения устраивались в пещерах) описанной конструкции. При этом мы можем заметить переходные формы от реального деревянно-ступенчатого свода к упрощенной конструкции и, наконец, только к художественно-орнаментальной передаче особенностей подобной кровли.

Примером реального деревянно-ступенчатого свода может служить кровля одной из часовен в Бамияне, расположенной рядом с 53-метровой фигурой будды². Часовенка устроена в пещере, но своду придан вышеописанный характер, чего казалось бы и не нужно было делать в пещерном помещении. В других случаях в буддийских культовых помещениях делалась кровля (или потолок) всего из 2—3 венцов бревен³. Во многих случаях на плафоне потолка только художественно в красках и росписях передавался его характер⁴. Подобные потолки и кровли в буддийских культовых сооружениях применялись часто. Известен древний буддийский храм с подобной кровлей в Северо-Восточной Индии в районе Удайпура⁵.

Очевидно, этот прием сооружения кровли связан с древней и устойчивой традицией, заимствованной из народной архитектуры.

Во всех случаях подражания кровле типа бревенчатого свода в буддийских культовых сооружениях бревна с внутренней стороны художественно украшались резьбой, лепнинами или росписями орнаментов.

На основании вышеотмеченных наблюдений над залегающим углем при раскопках второго храма, учитывая особенности плана алтарного помещения и принимая во внимание значи-

¹ Б. Л. Воронина. Народная архитектура Северного Таджикистана. М., 1959, стр. 53, 55, рис. 73, стр. 56, рис. 76. М. Ильина, указ. соч.

² A. Godard, J. Godard, J. Hackin. Les Antiquités Bouddhiques de Bamiyan. Paris, 1928, стр. 58, 59. Pl. XXXVI.

³ J. Hackin. Nouvelles Recherches Archéologiques à Bamiyan. Paris, 1933, Pl. XL, fig. 47, grottes V.

J. Hackin. L'Œuvre de la Délégation Archéologique Française in Afghanistan (1922—1932), Archéologie bouddhique, Tokyo, 1933, fig. 33.

⁴ A. Grünwedel. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesische Turkestan. Berlin, 1912, стр. 258, рис. 536 и др.

⁵ H. Goetz. The Early Wooden Temples of Chamba. Leiden, 1955.

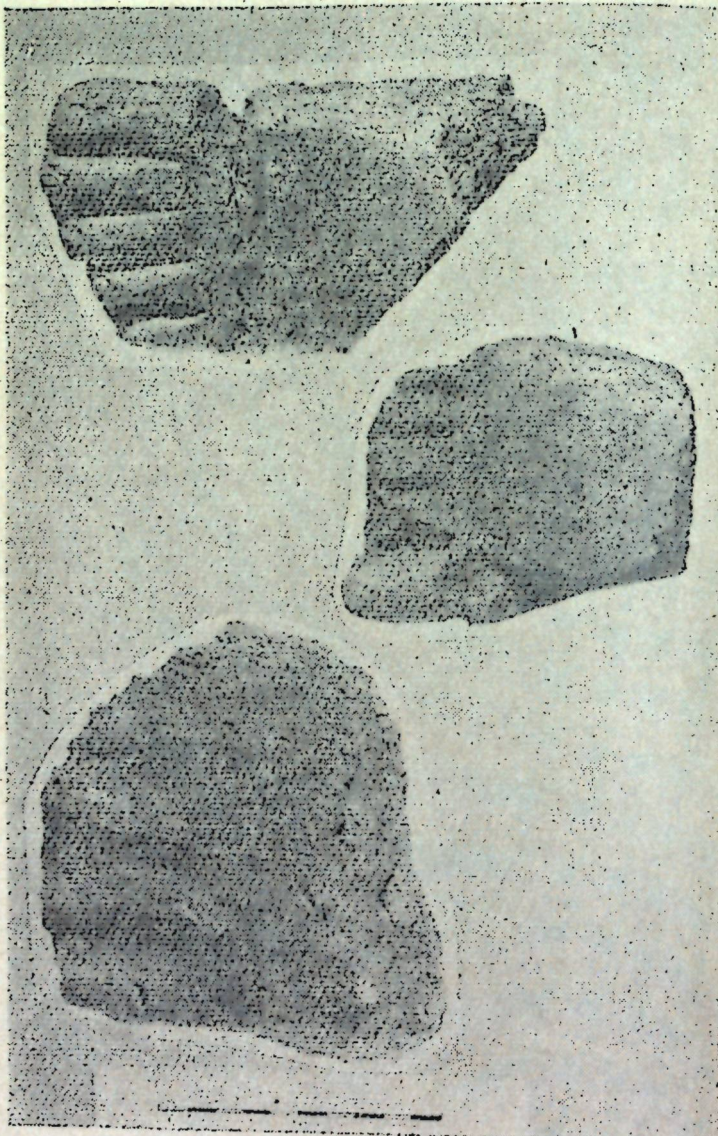

Рис. 11. Фрагменты ступней ног.

ьное распространение в VI—VIII вв. бревенчатого сруба в индийских культовых зданиях, мы с уверенностью предполагаем существование во втором храме некоего подобия описанному «деревянному ступенчатому своду».

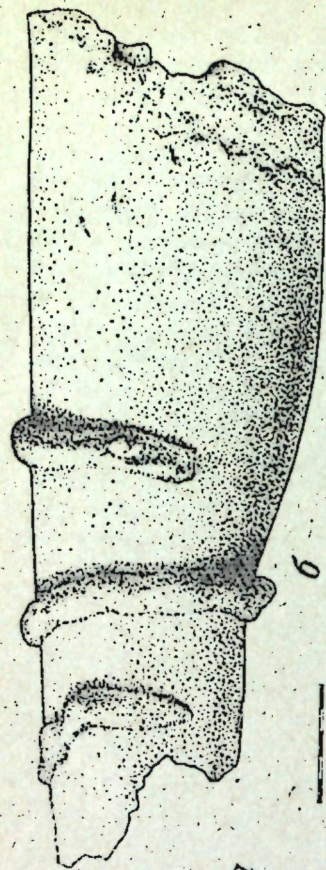
Думается, что в храмовом сооружении, подобном нашему, такая кровля обязательна. Плоское перекрытие, если оно достаточно высокое, нависает над священными фигурами, что дает впечатление их приниженности, что не соответствует задачам культового сооружения. Стремление создать соответствующий божественному смыслу будды зрительный эффект побуждало мастеров-строителей храмов сколь возможно выше возносить кровлю, конечно, с соблюдением элементарной пропорции и технических возможностей. Высота стен алтаря второго буддийского храма, по-видимому, достигала 6 м. При такой высоте и учитывая вероятный размер некоторых скульптур, превышавших в два раза средний рост человека, плоское перекрытие явно не подходит. Другое дело—кровля вышеописанного типа: она дает дополнительное пространство вверху и не создает впечатления давящей на скульптуры.

Внешний обходной коридор также был перекрыт, но о типе кровли здесь сказать хотя бы предположительно ничего нельзя из-за отсутствия каких-нибудь ее признаков. Несомненно было: перекрытие некогда было. Об этом свидетельствуют хотя бы сохранившиеся стены с обмазкой, побелкой, фрагменты росписей стен, глиняные скульптуры, обломки которых найдены в юго-зап., юго-вост. и сев.-вост. углах. Оно могло быть и плоским, даже несколько покатым наружу. Характерно, что стены внешних коридоров имели хорошую сохранность вплоть до пилонов, расположенных уже во дворе. Грани стен во внутреннем дворе были сильно размыты водой. Возможно, что древесина каким-то образом использовалась для перекрытия наружных коридоров, но ее было немного, как невелики были и ее остатки в виде углисто-золистой прослойки над полом (она имела толщину от 1 до 5 см), встречавшихся в других частях помещения.

Для реконструкции кровли внешних коридоров имеют некоторое значение упомянутые выше два пилон, расположенные соответственно при входе в западную и восточную части внешнего коридора. Они являлись продолжением стен, разделявших оба коридора и, конечно, каким-то образом участвовали в оформлении входов со стороны двора.

2. СТРОИТЕЛЬНЫЙ МАТЕРИАЛ И СТРОИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА

Для строительства храма использовалась в основном глина. К ней примешивалась в некоторых случаях солома. Древе-

на, по-видимому, применялась для сооружения кровли, двенадцати, возможно, внутреннего убранства. Стены были сложены из пахсы и необожженного кирпича. Пахса изготовлена обычным для этого рода строительного материала способом: молотая глина без примесей набивалась в формы на месте¹. Горизонтальные ряды таких блоков образовывали стены, преимущественно нижние их части. Как отмечалось выше, в некоторых случаях имело место чередование горизонтальных рядов пахсы с рядами кирпичей. Подобная перевязка обычно имела более трех рядов кирпичей. Таким путем стенам придавалась дополнительная прочность, потому что кирпич по сравнению с пахсою является более прочным материалом.

В ряде случаев мы отметили, что каждый пахсовый блок набивался в отдельную форму. В пользу этого свидетельствуют не только различные (и повторяющиеся) размеры блоков в одном ряду, но и характер швов между двумя соседними окнами. Важное значение в связи с этим имела расчистка швов из пахсовых блоков сверху. Наружные северные стены были сложены из пахсовых блоков. Здесь после тщательной расчистки стен сверху мы заметили следы швов между окнами на всю толщину стены, что помогло в отыскании самой стены. Таких глубоких швов в глинобитной стене невозможно нарезать при монолитном способе набивки стен. Другого и не требовалось. Швы между пахсовыми блоками образовались потому, что формы для блоков постепенно перемещались вдоль линии стены для набивки последующих блоков. Всеместно расчистка швов между блоками дала гладкие боковые грани².

Стены храма клались следующим образом. Два горизонтальных ряда пахсовых блоков клались друг около друга вплотную. Снаружи вертикальные швы двух рядов блоков, лежащих один на другом, как правило, не совпадали, что подобно кирпичной кладке при чередовании положений «лож-

¹ В наше время мы наблюдали следующий способ набивки глиняных стен: три широких доски, сбитых перпендикулярно друг к другу образуют форму. После набивки глины в такую форму, её передвигают и набивают следующий блок. При этом к грани набитого блока примыкает та часть формы, которая не имеет дощатой стенки. На грани набитой подобным способом стены всегда заметны боковые, нижние и верхние швы, т. е. линии, ограничивающие смежные блоки. Грани стен при необходимости обмазываются глиной в смеси с соломой или половой.

² Трудно согласиться с мнением В. Л. Ворониной, что нарезка блоков в монолитной стене делалась для того, чтобы «пахса при высыхании растрескивалась не в случайном, а в заданном направлении». Вертикальные или близкие к вертикальным трещины мы встречали нередко и иногда рядом со швом. См.: В. Л. Воронина. Приемы строительной техники..., КСИМК, 28, стр. 184.

ком», т. е. длинной гранью наружу, и «тычком» — углы наружу. Это достигалось тем, что по углам или в промежутке линии стены блоки иногда делались в половинном, или в другом этом размере против нормального среднего стандарта. Так же, как размер ширины кирпича («тычка») равнялся половине размера длины («ложка»). Кроме того, этому же способствовали неодинаковые размеры самих блоков, лежащих в одном горизонтальном ряду, о чем будет сказано ниже. В то время вертикальный продольный шов между двумя рядами блоков, лежащих на одном уровне на протяжении всей длины стены, получается непрерывным. Это увеличивает возможность разрушения: одна половина толщины стены (внешняя и внутренняя) может отвалиться от другой. Так произошло на южном отрезке западной стены, разделявшей оба обхода коридора: внутренняя половина стены, сложенная из блоков рухнула еще в ходе строительства. Она отвалилась от внешней половины стены, которая также состояла из пахсовых блоков. Вместо рухнувшей пахсовой части стены строители положили кирпич. Это хорошо видно даже на фотографии: ломанная и наклонная линия четко разграничивает пахсу и кирпич. Внешняя половина стены на этом отрезке осталась такой, какой была положена вначале, т. е. пахсовой (рис. 2-в, 28).

Случай обвала части стены во внутреннем западном коридоре может свидетельствовать о недоброкачественном, во всяком случае, неудачном производстве строительных работ. Это подтверждается при внимательном осмотре восточного участка стены, разделявшего внутренний и внешний южные коридоры. Стена была сложена со стороны внутреннего коридора из кирпича от самого основания. Несмотря на большую прочность кирпича, здесь стена плохо сохранилась. Кирпичи, крепко скрепленные раствором, почти выломались. Между ними было много пустот, получившихся вследствие того, что раствор плохо связывал отдельные ряды кирпича, в результате чего вертикальные швы чаще всего почти совпадали или смещались каких-нибудь 2—3 см. Таким образом, образовались почти непрерывные, хотя и извилистые, вертикальные швы. Они и способствовали быстрому разрушению стены. Кроме того, грань стены обращена к северу и, следовательно, солнце просушивало ее даже в самые жаркие часы дня, что благоприятствовало разрушению стены в течение всего времени существования руин.

Следует отметить, что наши наблюдения над процессом разрушения постройки, состоявшей из пахсы и сырцового кирпича, позволили установить следующую закономерность:

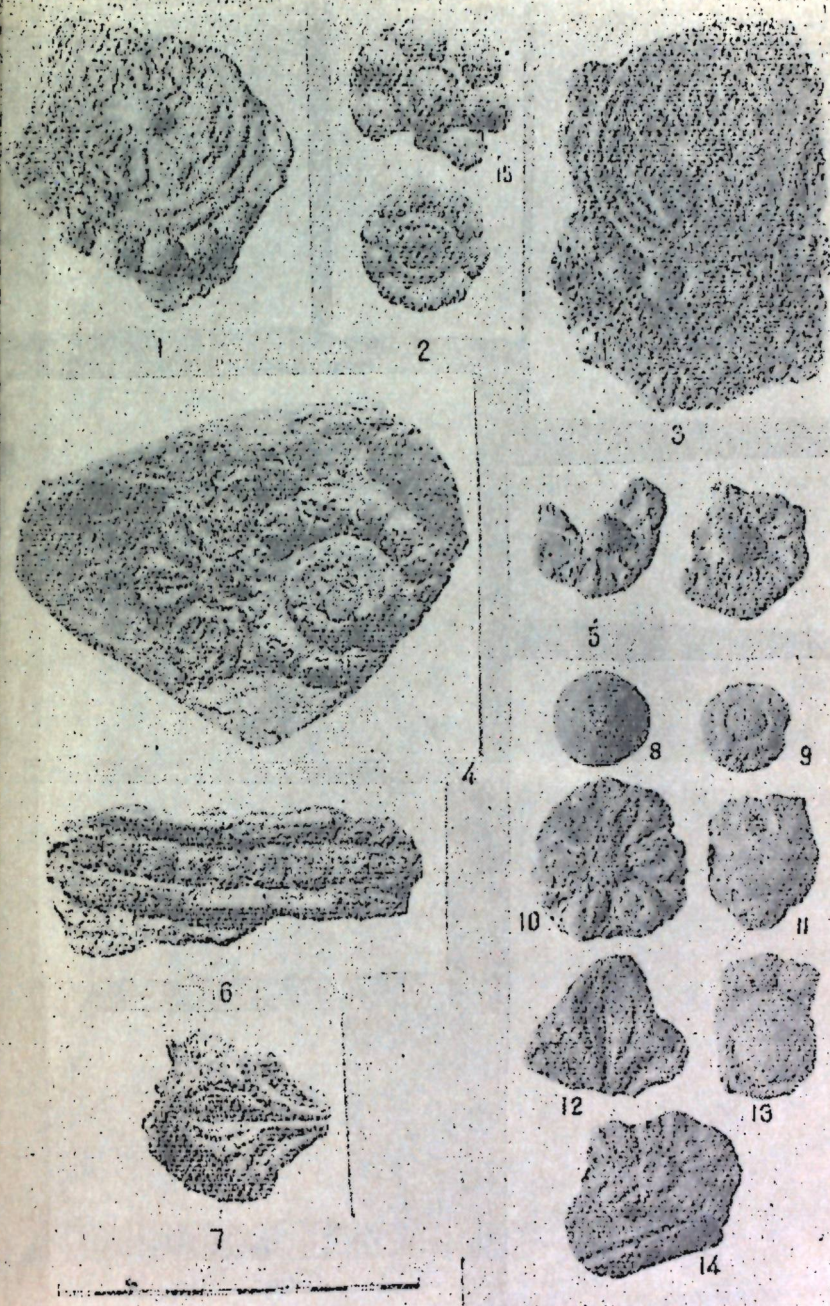

Рис. 13. Детали лепных украшений со скульптур (8-а — спирально-конический завиток волос с головы статуи, изображавшей будду).

же всего сохраняются и, следовательно, быстрее всего разрушаются те стены, грани которых обращены к северу, северозападу и северо-востоку. Самую лучшую сохранность имеют стены, обращенные на юг и юго-запад. Остальные направления дают среднюю сохранность, что зависит от степени освещенности и, следовательно, прогрева лучами солнца. Это необходимо всегда учитывать всем археологам, имеющим дело с сооружениями из необожженной глины, как в начале работ, так и в процессе расчистки помещений.

Система кладки не всюду была одинаковой. Почти все стены сложены по своей схеме. В качестве общей закономерности нужно отметить следующее: первоначально высокие стены сложены из пахсовых блоков с перевязкой рядами кирпичей, а наружные стены — только из пахсовых блоков. Поэтому необходимо дать описание кладки стен помещений в отдельности.

Западная часть внутреннего коридора заключена между двумя гранями стен (рис. 2-в, г). Восточная грань стены имеет следующую кладку (всюду ряды считаются и описываются снизу, от пола): в основании стены лежат в ряд 13 пахсовых блоков; выше — один ряд кирпичей в положении «ложком» (т. е. длинными гранями наружу); еще выше — два ряда пахсовых блоков по 15 шт.; на них — три ряда кирпичей с чередованием «ложком-тычком-ложком»; еще выше — ряд пахсовых блоков из 12 шт., они разрушены.

Нижний ряд пахсовых блоков размыт водой. Кирпичи нижнего ряда имеют размеры в длину 54 см, в ширину 27 см, в толщине 8 см. Блоки пахсы имеют следующие размеры¹:

I ряд	II ряд	III ряд
105×75	57×90	100×85
119×75	88×88	100×85
119×75	140×87	93×85
134×77	67×87	80×90
92×76	79×87	85×90
115×65	89×99	75×90
115×65	68×99	90×90
108×73	90×99	110×90
108×73	85×99	100×90
94×80	113×99	91×85
94×80	105×82	92×85
94×80	110×82	90×85
	87×81	77×85 два угловых блока разрушены
	78×82	
	35×90×83	
	(угловой блок)	

¹ Здесь, как и всюду, даны размеры видимых граней. Полные размеры — по возможности.

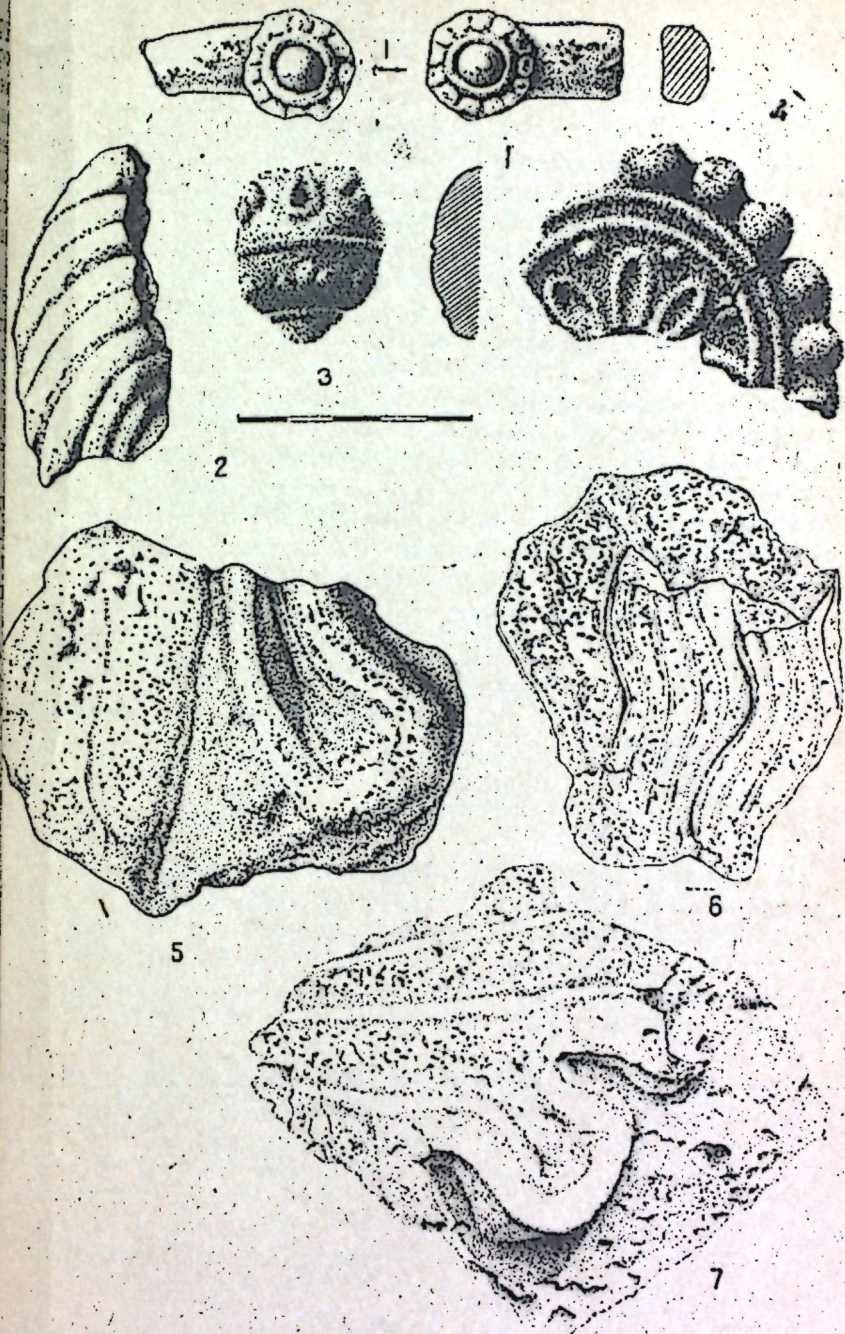

Рис. 14. Фрагменты скульптур: 1) окончания браслетов; 2, 6) волосы на голове статуй; 3, 4) лепные украшения; 5, 7) лепнины растительного характера.

Западная стена западной внутренней галереи на две трети своей длины сложена из пахсовых блоков (рис. 2-в). Южная треть ее первоначально также имела кладку из пахсовых, но они обрушились еще во время стройки.

Разрушенная часть стены тогда же была восстановлена в виде кирпичной кладки от самого основания. Она в плохом состоянии. Видимые в плоскости стены кирпичи имеют размеры: длинные грани — 49×7, 46×8, 50×7 см; короткие грани — 21×8, 22×8, 24×8 см. Часть стены, сложенная из пахсовых блоков, имеет следующую систему кладки: I ряд пахсовых блоков; на них положены четыре ряда кирпичей; выше — II и III ряды пахсовых блоков, а над ними частично сохранились три ряда кирпичей. Кирпичи, по-видимому, и завершали стену. Они обчаружены над аркой. Четыре ряда кирпичей между I и II рядами пахсовых блоков, образующие перевязку, положены без правильного чередования положений «ложком и тычком». Размеры кирпичей следующие: 50×9, 48×9, 22×9, 23×9, 48×7, 48×8, 50×8, 48×7, 49×8 см. Размеры пахсовых блоков в см:

I ряд	II ряд	III ряд
70×90	210×75	100× (высота не сохран.)
109×90	96×75	80×85
97×90	100×75	83×85
80×90	96×75	80×86
104×95	66×75 (обруб. аркой)	80×86 (обруб. аркой то же)
35×95 (арка)	105×72	100×85
100×89	90×75	130×85
100×86	91×81	100×85
123-77	100×82	90×85

Из западного внутреннего коридора имеется два выхода. Дверной проем, ведущий во внутренний двор, сложен из трех рядов пахсовых блоков, имеющих размеры в см: 77×94×114, 90×90×120. Между вторым и третьим рядами пахсовых блоков положены кирпичи в один ряд, их размеры 50×25×8 см. Над кирпичами находится блок размером 88×94×114 см. Ширина дверного проема равна 1,60 м.

Дверной проем, ведущий в западный внешний коридор, сохранился в виде арки (рис. 18, 24). С внутренней стороны арка вырублена в пахсовых блоках стены, причем хорошо видны следы рубящего орудия с длиной лезвия 4—5 см, а сама арка имеет неправильные очертания. С половины толщины стены арка была выложена из кирпича, но она весь рухнул. Над аркой сохранились остатки трех горизонтальных рядов кирпичей. Ширина арочного прохода 1 м.

В южной части внутреннего коридора южная грань стены имеет в основании один ряд пахсовых блоков с размерами

80×80, 100×80 см. Над этим рядом пахсовых блоков на всю высоту стены положены кирпичи. Вследствие плохой сохранности грани стены (она обращена на север) систему кладки кирпичей и их размеры выявить не удалось. С трудом можно было заметить цепную систему кладки кирпичей, его размеры равны в среднем 48×24×7 см. От арочного перехода из внутреннего коридора во внешний до юго-вост. угла эта стена обрушилась, а кладка в неплохом состоянии сохранилась в юго-вост. углу. Расчистка стены на этом участке показала, что она была сложена небрежно. Между рядами кирпичей имелось много пустот, связующий раствор был рыхлый, вертикальные швы между кирпичами почти совпадали, что сразу образовывало трещину в стене.

Северная грань стены (рис. 2-д) южной части внутреннего коридора выложена из четырех рядов пахсовых блоков. Первый (нижний) ряд сохранился весьма плохо. Над четвертым рядом находилась кирпичная кладка плохой сохранности. В средней части стены над вторым рядом пахсовых блоков были положены кирпичи в один слой «ложком» (кирпичная кладка захватила четыре блока). Это было сделано, видимо, для нивелировки, так как над кирпичами лежало 4 блока значительно меньшей высоты этого же ряда (70 см вместо 80 см). Установленные размеры пахсовых блоков были следующие:

I ряд	II ряд	III ряд
100×71	85×72	118×42
110×73	102×80	200×92
95×65	101×80	108×92
110×70	87×80	100×92
105×70	126×70	120×88
110×68	100×70	95×88
100×70	97×70	103×88
98×70	95×70	50×88
	95×70	87×85
	100×70	93×80
	81×70	85×80
	160×70	93×82
		107×86

В общем вся стена, сложенная из пахсовых блоков, сохранилась хорошо, что позволило установить большое разнообразие в размерах пахсовых. Некоторые вертикальные швы между двумя соседними пахсовыми блоками были наклонными, что придавало блокам форму неправильного параллелепипеда.

Дверной проем, ведущий в южную внешнюю галерею, сохранился только в своем основании. Свод арки почти полностью разрушился. Ширина дверного проема была 1 м.

Западная стена восточной внутренней галереи выложена из пахсовых блоков с перевязкой одного ряда (а в северной

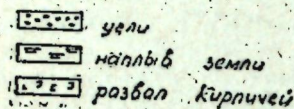
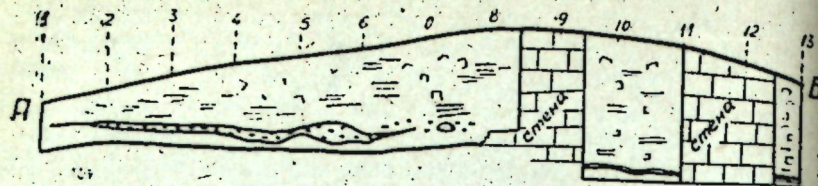

Рис. 15. Профиль генеральной бровки между А и Б.

части двух рядов) кирпича — между первым и вторым, а также между вторым и третьим рядами блоков (рис. 2-е). Размеры блоков в см: 80×80, 53×75, 80×75, 93×85, 93×85, 110×85, 110×72, 88×85, 94×85, 85×86, 62×86, 66×87, 82×86, 98×85, 92×86, 100×87, 95×85, 82×86, 79×86, 65×86, 60×85, 70×85, 90×80, 92×80, 106×80, 102×80, 92×80 и 70, 70, 80, 88, 78, 85 (высота последних блоков не могла быть измерена ввиду их разрушенности). Укладка двух рядов кирпича, о которой упоминалось выше, имела целью устранить слишком большую разницу в уровне второго ряда блоков (70 см, вместо средней высоты в этом ряду, равной 80 см). Этот прием применялся неоднократно и в других частях храма.

Восточная грань стены этого же коридора имела в основании два ряда пахсовых блоков. Выше их находится кирпичная кладка. Вся грань этой стены сильно разрушена, но заметны те же дефекты кладки, которые отмечены для южной грани стены в южной части внутреннего коридора. Здесь кирпичи уложены с чередованием положений «ложком и тычком», но вертикальные швы рядов почти совпадают или имеют незначительные отступления. Швы толстые, связующий раствор хотя и обильный, но рыхлый.

Все стены внешней галереи выложены из пахсовых блоков. Сохранившаяся высота стен имела в среднем 2 м; в углах она несколько понижалась. Наружная стена храма имела среднюю толщину 2,1 м, т. е. толщину двух блоков. Размеры хорошо сохранившихся блоков пахсы повторяют те же стандарты, что и блоки во внутренней галерее. Средняя высота блоков варьирует в пределах 90—100 см при ширине 85—95 см. Нижние ряды блоков в наружных стенах были всегда больших разме-

ров, над ними укладывались блоки меньшего размера. Кирпич при кладке наружных стен не употреблялся.

Сохранившаяся высота стен алтарного помещения наиболее значительная (рис. 2-а, 5). Она достигает 4,5 м. Стены выложены комбинированным способом, т. е. использованы пахсовые блоки и необожженный кирпич. Здесь использовались блоки различных размеров: наибольшие имеют размеры 100×90, 90×90 см; наименьшие — 40×30 см. Толщина швов между блоками колеблется в пределах 3—4 см. Кирпичи имеют размеры 44×24×8, 48×24×8, 50×24×8, а швы между ними равны 2—2,5 см.

Чередование пахсовых блоков различных размеров у каждой из стен и их частей, а также чередование рядов блоков и кирпичей не подчиняются определенной закономерности. Различия выступают резко даже на смежных участках. Так, например, южная стена южной ниши алтарного помещения в основании имеет два ряда пахсовых блоков больших размеров, на них положены в один ряд блоки меньших размеров, а потом на всей сохранившейся части стены видны 10 рядов кирпичей. Примыкающие к южной стене южной ниши простенки (западный и восточный) сооружены иначе. Здесь в основании простенков положено 10 рядов кирпичей. Над ними два блока больших размеров, выше — один ряд блоков меньших размеров, а потом опять кирпичи (сохранилось 3—4 ряда).

Восточная стена восточной ниши выложена следующим образом: небольшие блоки в один ряд, выше — один ряд больших блоков, далее — один ряд малых блоков, а выше их на всю сохранившуюся часть стены несколько рядов кирпичей. Примыкающий к этой стене северный простенок выложен только из кирпича, а южный — из блоков и кирпича.

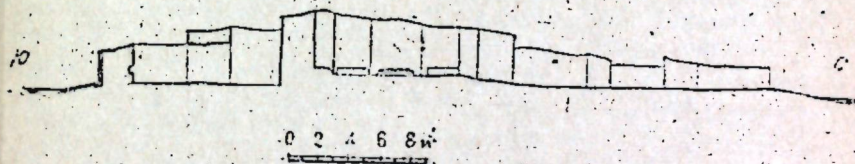

Рис. 16. Разрез по линии I—I (север-юг).

Юго-вост. угол алтарного помещения выложен из блоков и кирпичей в следующем порядке: 10 рядов кирпича, один ряд крупных блоков, выше сохранилось три ряда кирпича. Сев.-вост. угол выложен весь из кирпича.

Отдельные части стен алтарного помещения (ниши, их боковые простенки, выступающие углы и др.) не перевязаны между собою. Очевидно, они укладывались последовательно и

только примыкают друг к другу. При такой, несовершенной конструкции прочность всех стен алтарной части храма достигалась исключительно за счет ее громадной толщины. Минимально стена имела толщину 2,5 м только там, где были ниши. Все остальные участки стен поражают своей мощной толщиной, достигающей порою 4 м¹.

Мощная толщина стен (минимально 2,1 м) создавала неодолимую прочность. Нигде мы не встретили контрфорсов. И не было и на первом буддийском храме. Да они и не требовались. Современные глинобитные или саманные стены значительной протяженности обязательно сопровождаются контрфорсами, но зато их толщина значительно меньше.

Резюмируя наблюдения над приемами кладки стен и особенностями строительного материала, необходимо подчеркнуть, что в системе кладки кирпичей преобладал «цепной» способ, чему способствовали и общие стандарты кирпичей. Как правило, отношение сторон соответствовало 1:2 с незначительными отступлениями.

Как уже упоминалось, все внутренние грани стен штукатурились в два слоя. Нижний слой штукатурки состоял из смеси глины и соломы. Такой обмазкой тщательно замазывались все швы. Там, где стены были сложены из пахсовых блоков, иногда делалась насечка гладкой поверхности блоков, которая должна была удерживать обмазку. Поверх такой грубой обмазки из глины и соломы наносился тонкий слой хорошо промыванной глины без соломы, а потом уже стены белились алебастром и украшались росписями или лепнинами.

Всюду, где первичная обмазка была тщательно прибитая к стене и загнана глубоко в щели, она хорошо сохранилась в момент раскопок. Но таких мест оказалось мало и обмазка на большей части поверхности стен не сохранилась, как не сохранились росписи и лепные украшения. Полы в храме нигде не обмазывались. Их образовал выровненный и, по-видимому, утрамбованный строительный мусор, который сам состоял из обломков необожженных кирпичей и строительной глины. В время расчистки полов стоило только в одном месте случайно прорезать их уровень, как открывалась одноцветная глина мелкими кусками необожженного кирпича и пол «исчезал». Тем не менее, полы очищались в большинстве участков очень хорошо. Этому помогало то, что вышележащие слои часто были более рыхлыми, что пол в большинстве мест был прикрыт значительными прослойками пепла, угля и овечьего навоза. Только там, где вода разрушила структуру глины полов и вы-

шележащих слоев завала (в сев.-вост. части внешней галереи и особенно во дворе) или где были позднейшие перекопы и перестройки (в сев.-зап. углу внешнего коридора), полы выявлялись с трудом. В таких случаях мы говорим об «уровнях полов».

3. ПАМЯТНИКИ БУДДИЙСКОГО КУЛЬТА

Характерной особенностью исследованного памятника является то, что после запустения храма в его руинах обитание человека было недолгим и то главным образом в начальный период после запустения. Это видно из того, что 2—4,5-метровый завал помещений сплошь состоял из обломков разрушенных стен, среди которых археологического материала найдено немного. Даже керамика, обычно обильно присутствующая в культурных слоях всех поселений, при раскопках храма встречалась в небольшом количестве, не говоря уже об изделиях из металла и др. Все самое ценное для археолога найдено на полу храма (это ценное ограничивается обломками былых художественных сокровищ, среди них главным образом скульптур и лепных украшений). Росписи погибли все, кроме одного небольшого фрагмента.

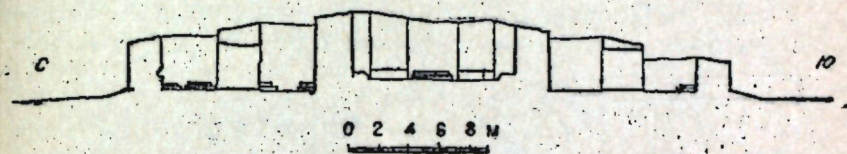

Рис. 17. Разрез по линии II—II (восток—запад).

Скульптуры устанавливались на постаментах. Обнаружены постаменты трех типов: прямоугольные ступенчатые, шаровидные и один фигурный с канцелюрами. Среди многообразия постаментов, на которых устанавливались буддийские святыни, постаменты второго храма, пожалуй, наиболее простые. Они известны в культовых местах, исследованных в Афганистане, Северной Индии и Восточном Туркестане и относятся к традиционным формам¹.

В центральном святилище все постаменты сохранились в удовлетворительном состоянии. В нишах располагались прямоугольные трехступенчатые, а по сторонам — шаровидные со стилизованными листьями лотоса на поверхности. Скульптура главного будды находилась в южной нише против входа в святилище, где она и должна находиться согласно канону.

¹ A. Grünwedel. *Alt buddhistische Kultstätten...*, стр. 8, рис. 2, стр. 238, рис. 510 и др.

¹ Нам потребовалось бульдозером удалить отвал, и бульдозер зашел на стену, не разрушив ее. Не появилось даже трещин.

На полу против этого постамента — вылепленная и выбеленная алебастром прямоугольная площадка с выпуклым кругом в центре обозначала место для приношений главному изваянию.

В западной и восточной нишах постаменты и их взаимное расположение были такими же, как в южной. Между нишами по углам и сторонам святилища располагались одноступенчатые лавки, сложенные из трех рядов кирпича. Их назначение могло быть одним из следующих: или это лавки для служителей храма во время богослужения, или постаменты для каких-нибудь скульптурных композиций на сюжеты буддийской мифологии, или на этих лавках размещались буддийские священные атрибуты — сосуды, иконы, стяги и др. Второе предположение — принципиально возможное. Дело в том, что на поверхности всех постаментов если и не было остатков скульптур (они все были повергнуты до их оснований), то верхние плоскости постаментов все же были неровны. Лавки же были хорошо подмазаны и следов скульптур на них не обнаружено.

В других помещениях постаменты для скульптур располагались столь же симметрично, как и в святилище. Постаменты для скульптур найдены в обоих обходных коридорах — внутреннем и внешнем. Они были расположены по углам коридоров так, что обширные помещения заполнялись священными изображениями, устраняя впечатление пустоты длинных галерей.

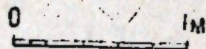
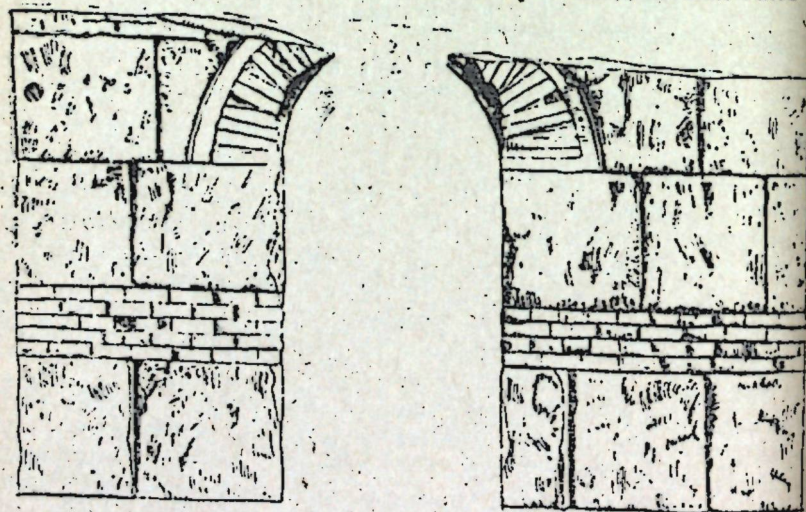

Рис. 18. Западная арка (с внешней стороны):

рей. Между ними находились дверные проемы — внутренние и внешние.

Представим себе, каково было впечатление у паломников, вступавших в пределы храма. Вот они вступают в храм через главные ворота. Уже ворота, с их массивными фланкирующими пилонами, вероятным арочным перекрытием и росписями должны были создавать впечатление торжественной величественности храма. Войдя во двор, они видели прямо перед собой в глубине алтаря в мерцании огней светильников изваяние главного будды храма.

Поворот вправо или влево открывал взору священные скульптурные композиции, находившиеся в сев.-вост. и сев.-зап. углах внешнего обходного коридора. Из одного конца внешнего коридора, например со стороны двора, паломник видел сквозь полумрак пространства другую композицию на противоположном конце. Темнота коридоров скрадывала расстояния. Там уже другая композиция, также освещенная мерцающими огнями лампад, манила к себе. Но стоило сделать пол-оборота от этой, как перед глазами выступала третья композиция и т. д.

Вступая в пределы храма через входы, устроенные в обходных коридорах, паломники видели опять такую же обстановку: вправо и влево от них находились скульптуры. Поворот за угол открывал новый вид. Нужно еще иметь в виду, что стены храма были расписаны орнаментом и мифологическими сюжетами, а это позволило связать в один ансамбль кажущуюся разобщенность скульптурных композиций.

Такими относительно скупыми художественными приемами зодчий и художник создавали соответствующее требованиям канона эмоциональное настроение у верующего: единение, торжественную таинственность, манящую и грозную. Окна не было, они и не были нужны. Храм воспроизводил пещерную обстановку, а как известно, основатель буддизма и первый будда легендарный Шакья-Муни уединившись от всего мирского в пещеру, начал проповедовать первые основы новой религии. С тех пор пещера для буддистов являлась воплощением уединенности и отрешенности от суетного мира. Недаром так много открыто храмов, часовен, обителей монахов, устроенных в искусственно сооруженных пещерах.

В юго-зап. углу внутреннего коридора и в сев.-зап. углу внешнего, постаментов не обнаружено. В сев.-зап. углу внешнего коридора, можно полагать с уверенностью, они были разрушены при постройке меднолитой мастерской после разрушения храма. В юго-зап. углу внутреннего коридора скульптуры несомненно некогда стояли. Здесь мы нашли обломки скульптур, в частности ступню ноги, стоявшей на кир-

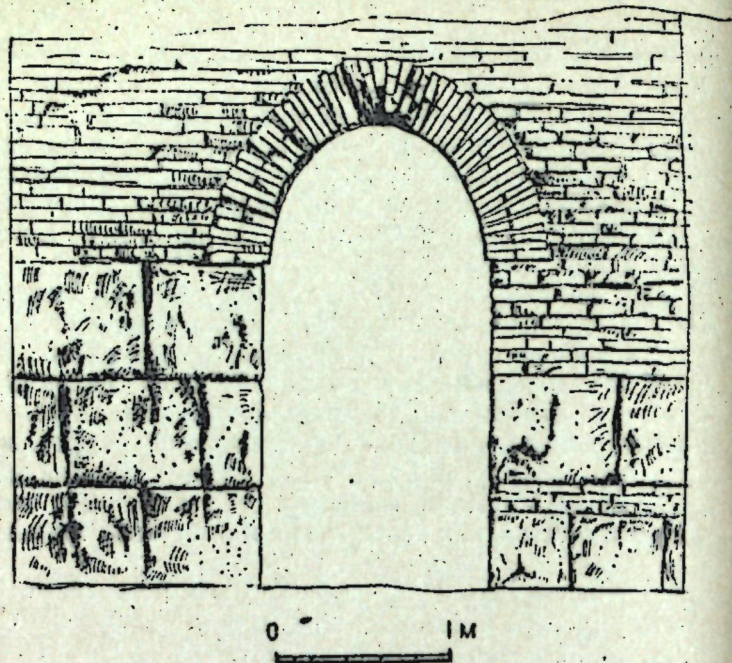

Рис. 19. Восточная арка с внутренней стороны.

нице (рис. 12-г). На стене сохранились остатки вылепленного из глины нимба. В западном внешнем выходе мы обнаружили позднейший заклад, сделанный из храмового кирпича и обломков попеременно с кусками скульптур и шаровидного постамента (рис. 30, 32). Подобные шаровидные постаменты стояли в алтарном помещении. Откуда же был принесен кусок этого постамента, если в святилище они стояли на своих местах, а седьмой такой же ставить было некуда? Несомненно, что где-то стояла еще одна фигура на шаровидном постаменте¹. Можно предполагать, что эта фигура в числе других найденных стояла в юго-зап. углу внутренней галереи. Это отвечает планировочной художественной идее создателя храма.

Сильно поврежденным оказался постамент в сев.-вост. углу внешнего коридора. По своей форме и размерам он соответствовал найденному в противоположном юго-зап. углу внешнего коридора. Около постамента в сев.-вост. углу найдены небольшие обломки скульптур, в частности ступни и

¹ Два мелких обломка подобных постаментов найдены и в алтаре (рис. 7-а, 5).

Разрушение объясняется позднейшим обитанием здесь людей, следы которого в виде большого кострища заметны в самом углу над постаментом. Угол стены был прокален огнем до красного цвета.

Интересным по форме оказался один из постаментов в юго-вост. углу внешней галереи. Это постамент фигурный, в стилизованном виде передающий пламя огня.

Необходимо особо отметить украшения некоторых постаментов. Уже упоминались шаровидные постаменты святилища, на поверхности которых врезными линиями нанесены округлые лепестки лотоса. Лепные фигурные украшения, напоминающие цветы лотоса, найдены около постамента, стоявшего у внутреннего угла восточной части внутренней обходной галереи. Отвалившись от постаментов, они отдельными кусками лежали около него на полу. Поверхность лотосов после лепки была обильно побелена алебастром, при этом некоторые детали цветка оказались замазанными. Вся лепнина была окрашена в красный цвет (рис. 33).

Первоначально скульптур было не мало, на некоторых постаментах они, по-видимому, составляли композиции. Повернутые на пол и разрушенные, они образовали значительный слой завала; внизу которого обломки ног, рук, торсов с признаками одежды, голов и лиц перемешались со штукатуркой и фрагментами лепных украшений в виде пальметок, розеток, лепных «жемчужных» поясков, браслетов и др. На рис. 31 показан маленький участок около западной ниши святилища, где найдены руки (рис. 12-а, б, в), а также видны большие куски торсов скульптур.

Судя по наиболее сохранившимся обломкам рук, ног и голов, скульптуры изображались в натуральную величину или были увеличенными. Так, например, обломок головы (собственно части ее шевелюры), найденный в закладе западного внешнего выхода, имеет почти гигантские размеры (рис. 32). Этот обломок принадлежит фигуре будды, о чем свидетельствует характер шевелюры в виде конических завитков волос, окрашенных синей краской. Можно предположить, что большие размеры соответствуют его центральному положению как главного будды, место которому — в южной нише святилища.

Среди фрагментов скульптур особого внимания заслуживают наиболее сохранившиеся. К ним относятся: голова бодисатвы, лицо будды, лицо докшита, торс фигуры в одежде, по-видимому, бодисатвы. Все они найдены в центральном помещении около восточной ниши.

Голова бодисатвы имеет пышную корону (или шевелюру) в виде крупных спиралевидных завитков, на лбу имеется витой валик. Волосы были окрашены синей краской, на лице следов

скраски или побелки не видно. Размер головы почти натуральный (рис. 3).

Лицо будды и волосы были окрашены красной краской поверх слабой алебастровой грунтовки. Характер прически в виде прямых зачесанных назад волос свидетельствует о том, что в данном случае мы скорее всего имеем дело с фрагментом изображения будды (рис. 5).

В буддийской мифологии известно до тысячи типов изображений будд и около трех тысяч бодисатв, а иконография их разработана недостаточно. В большинстве случаев невозможно распознать конкретные канонические изображения, если не даны их характерные отличительные признаки. Тем не менее, известно, что непременным требованием к изображению будды является только ему свойственная прическа. Она может быть или гладкая с зачесом назад, или курчавая в виде многих спирально-конических завитков на голове. Кроме этого, на темени головы будды изображается особая шишка-уснир, символизирующая его мудрость. Голова бодисатвы всегда имеет пышное и разнообразное по форме оформление. Чаще всего это корона со сложными украшениями. По этим признакам мы и выделяем из наших фрагментов изображения будды и бодисатвы.

Докшит узнается по общему и довольно неприглядному облику (рис. 6-а). Черты лица весьма крупные, особенно нос, губы разомкнуты и видны обнаженные зубы, глаза подрисованы алебастром и имеют черные пятна зрачков. Все лицо обильно покрыто алебастром и покрашено ярко-красной краской. По чертам лица и общему его выражению этот фрагмент и определяется как докшит. Согласно канону буддистов, докшиты наделаются устрашающими чертами лица, часто даже звероподобными. Они — защитники веры и их обязанностью является устрашение грешных и колеблющихся в вере.

Местоположение другого докшита можно узнать по характерному фигурному постаменту, передающему в стилизованном виде пламя огня. Он найден в юго-вост. углу внешнего коридора. Согласно буддийским поверьям, пламя огня, окружающее фигуру докшита, должно испепелить все препятствия на пути к спасению.¹

Относительно фрагмента торса можно только предположить, что он принадлежал тому бодисатве, голова которого найдена около. Не противоречат этому и пропорции торса и

¹ А. Stein. *Serindia*, t. IV, pl. XCVIII; А. Позднеев. *Очерки быта...*, стр. 63.

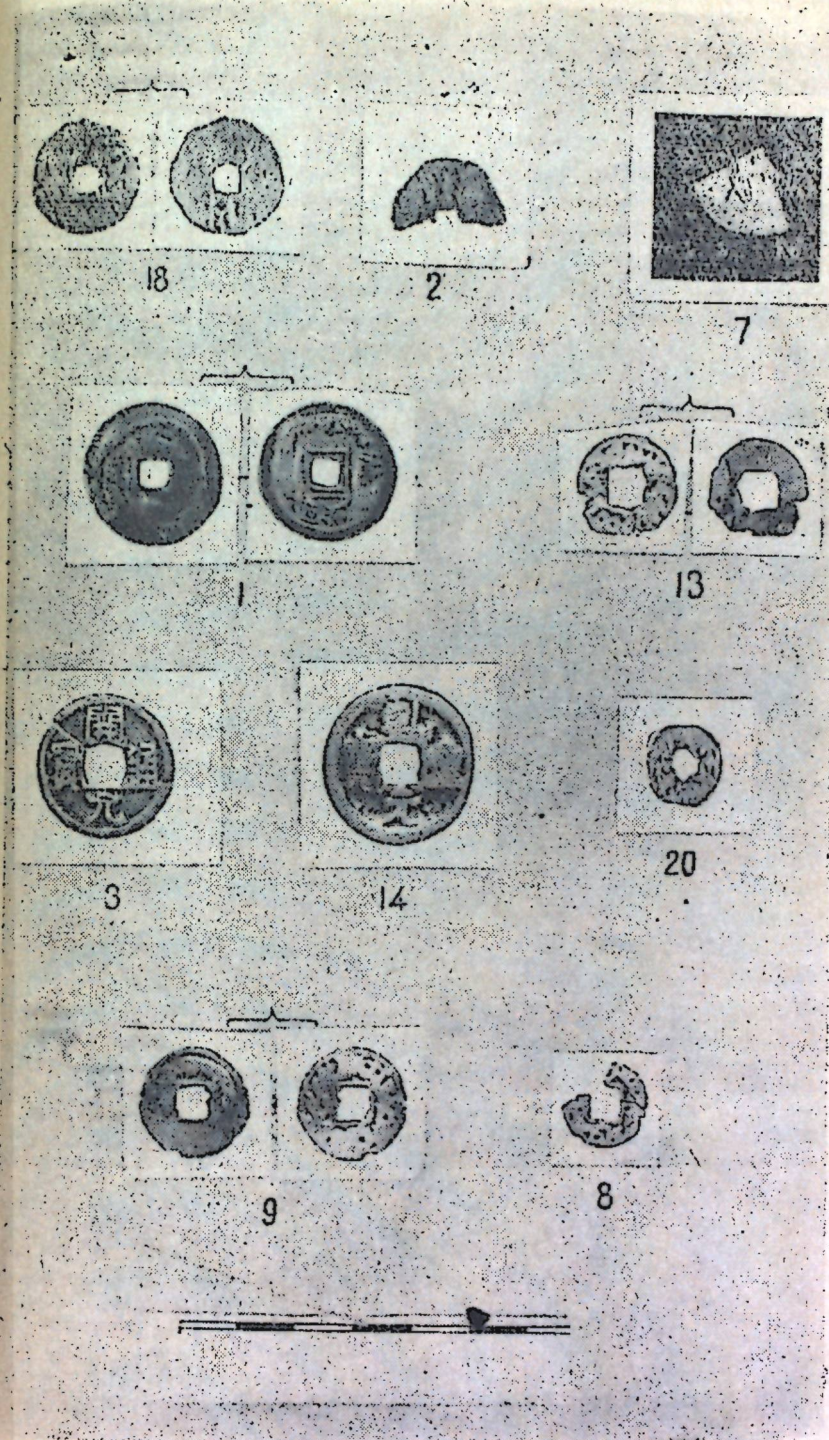

Рис. 20. Монеты (№ соответствует списку монет).

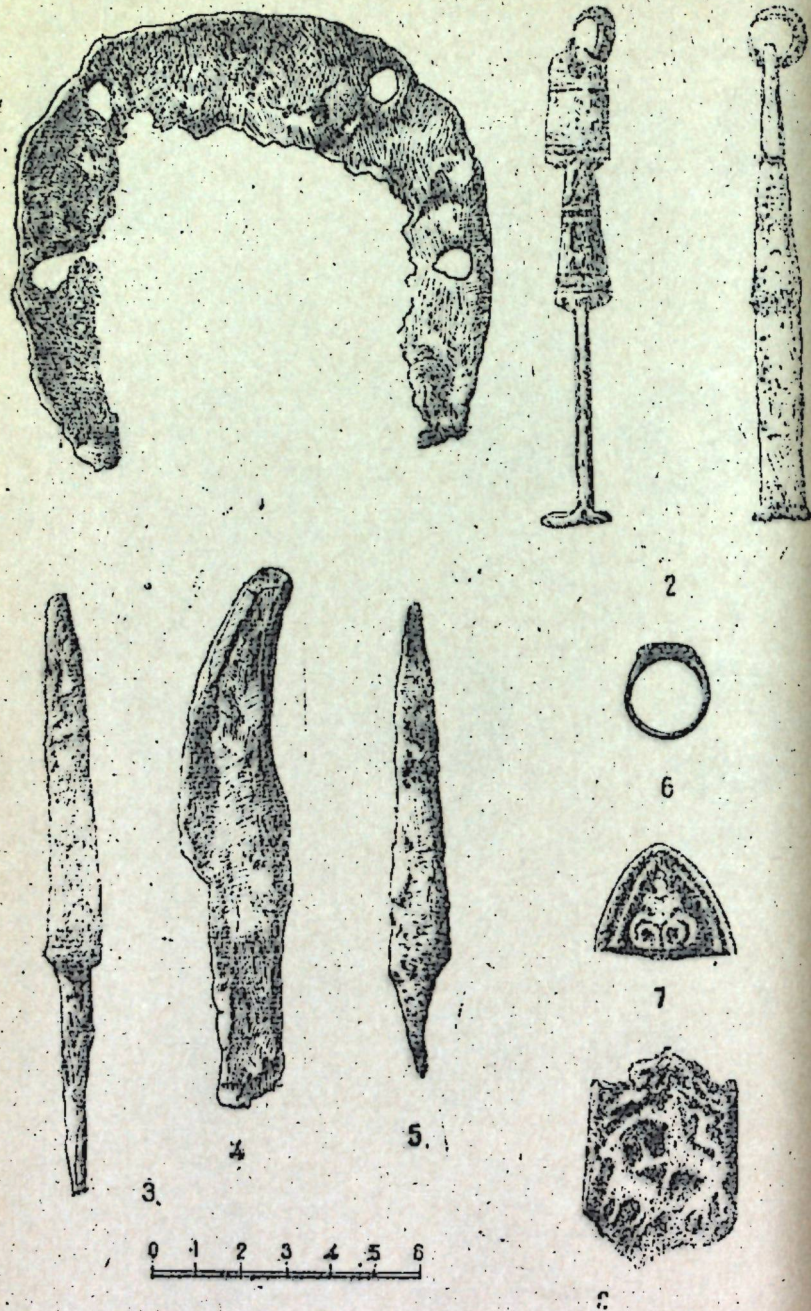

Рис. 21. Вещи VII—X вв. из завала помещений храма: 1) подкова, 2) ключ, 3, 5) ножи, 4) «садовый» нож, 6) перетень, 7, 8) обломки ручек светильников.

головы (рис. 4). Этот фрагмент скульптуры передает складки одежды на тазовой области фигуры. На многочисленных изображениях — скульптурных и расписных — верхняя часть торса (грудь и живот) фигур обнажена, а чресла прикрыты тканью, завязанной спереди узлом.¹

Все эти фрагменты, лучше других сохранившиеся, к сожалению, невозможно отнести к тому или иному конкретному персонажу буддийского пантеона. Даже большие знатоки буддийской иконографии и его культа вообще, например, С. Ф. Ольденбург, А. Позднеев и др., признают чрезвычайно трудным такое определение целых фигур, если у них не сохранились изображения особых символов, характерных для того или иного персонажа буддийского пантеона.² Что же можно сказать о незначительных фрагментах, которые имеются в нашем распоряжении?

Найдено, кроме того, несколько фрагментов ступней ног, рук, отдельных пальцев (рис. 10, 11). Как известно, положение пальцев у буддийских изваяний символично, и эта символика поддается раскрытию. К сожалению, большинство обломков рук, пальцев, прямых и согнутых, невозможно связать с каким-либо символом. Об одной руке, вернее, паре рук, можно сказать нечто определенное. Это две руки, слитые в одну, со сложенными друг к другу ладонями. Такое положение ладоней характерно для молитвенной позы или позы послушания. Рука найдена около западного постамента (рис. 12-а, в). Она, по-видимому, принадлежала фигуре какого-нибудь послушника или ученика будды. Фигура ученика должна стоять рядом с буддой, и ее местоположение, возможно, определяется сферическим постаментом, который находился сбоку, а на трехступенчатом прямоугольном должен стоять сам будда.

Все другие обломки скульптур маловыразительны. Среди них встречались иногда весьма значительные фрагменты, по-видимому, торсов и других частей тела со складками одежды, различных размеров ступней ног без обуви, обломки ушей, один глаз с надбровьем и завитки волос, в том числе спирально-конические и т. п. (рис. 8, 9, 12-д, 13-д). Как правило, скульптуры, покрытые слоем алебаstra, раскрашивались одноцветной красной краской, редко узорами, подобными рисунку ткани.

¹ А. Grünhewdel. *Allbuddhistische Kultstätten...*, стр. 135, рис. 294, стр. 235, рис. 507 и др. А. Stein. *Serindia* t. IV.

² С. Ф. Ольденбург. *Материалы по буддийской иконографии*. Сб. Музея антропологии и этнографии АН, вып. III, СПб., 1901, стр. 1, 2; то же — вып. IV, СПб., 1903, стр. 8; А. Позднеев. *Очерки быта...*, стр. 48, 49.

К скульптуре относятся многочисленные обломки и целые экземпляры украшений: розетки, пальметки, бусины, трилистники, полоски в виде двух жгутиков с шаровидными выпуклостями между ними, имитировавшими, по-видимому, жемчуг, обломки браслетов, оканчивающиеся змеиновидными головками или розетками и др. (рис. 13—14-1, 3, 4). Иногда подобные украшения встречались на обломках фигуры. Полоски с «жемчужинами» мы встретили в одном случае в качестве украшения на обшлагах рукавов одежды. В других случаях такие полоски украшали ворот, борта или подол одежды. Один из фрагментов ноги, по-видимому, голени (на что намекает его форма), имел налест полоски с рядом «жемчужин», а к ней примыкали розетка с жемчужинами по краям и трилистники. Следы розеток в виде кружков находились на обломках торсов фигур.

Часто и много встречались обломки шевелюр. Их несколько типов: 1) уже упомянутые выше конические спиральные завитки (рис. 13-8); мы находили их около всех прямоугольных трехступенчатых постаментов. Они являются обязательной особенностью фигур будд; 2) волосы в виде змеевидных прядей (рис. 9-а); 3) кудри, завитые так же, как и на голове вышеупомянутого бодисатвы (рис. 8-б, в; 9-в, д, г); 4) волосы в виде завитки «волною» (или гофр) (рис. 9-б); 5) прямые волосы (рис. 8-а, 14-2). Чаще всего волосы окрашивались синей краской, редко красной или совсем без следов краски.

К скульптурам необходимо отнести несколько обломков лепных украшений, не связанных с человеческими фигурами. Они, видимо, являлись налестами на стенах или постаментах и имели задачей художественно оформить фон вокруг той или иной композиции. Найденные лепные украшения представляют обломки каких-то растительных орнаментов (рис. 7-в, 14-5, 7).

Несмотря на фрагментарность обломков скульптур, можно сказать несколько слов относительно их художественных достоинств. Наибольшие возможности в этом отношении дает голова бодисатвы. По ней можно судить о тех художественных сокровищах, которые некогда были созданы в храме.

Бодисатва имеет спокойный взгляд слегка монголоидных глаз, мягкие очертания губ, небольшой нос (он слегка поврежден), небольшая монголоидность скелета — все это в совокупности с пышной прической из крупных завитых локонов создает впечатление подлинной красоты. Характерна форма ушей: в понимании буддистов, длинные свисающие мочки подчеркивают красоту. Только они и нарушают остальные, в общем нормальные, пропорции лица и всей головы. Но так как канон, и художник был обязан ему следовать.

Можно указать немалое количество аналогий из буддий-

Рис. 22. Вещи VIII—X вв. из завала помещений: 1—8) наконечники стрел (железо), 9, 16) оковки железные, 10, 11, 14, 15) ремешные бляшки, 12, 13) ремешные пряжки, 17) наконечник ножен.

ских храмов и других культовых сооружений, исследованных в Северо-Западном Китае и Афганистане, тому матери-

лу, который найден во втором Ак-Бешимском храме, несмотря на чрезвычайную его фрагментарность.

С. Ф. Ольденбург исследовал храм в урочище Мин-Уй обозначенный им F-4 (по А. Стейну Мi-XIII). Этот храм дал большое количество хорошо сохранившихся скульптур, которые, по мнению автора, напоминают скульптуру Гандхары. Сравнивая Ак-Бешимские находки с тем, что издал С. Ф. Ольденбург в своем «Кратком предварительном отчете»¹, мы без натяжек усматриваем много общего как в общем стиле исполнения, так и в деталях. Тип и способ передачи одежды, украшений в виде розеток, пальметок, поясков или лент с жемчужником, их расположение на фигурах, типы причесок у бодисатв и многое другое настолько близки в исследованном С. Ф. Ольденбургом храме и нашем, что различить их очень трудно и кажется, что они взяты из одного храмового комплекса.²

Храм А-3-а в Шикшине дал скульптуры, имеющие сходство деталей с соответствующими деталями из второго Ак-Бешимского храма. Это особенно относится к фрагментам кудрей на голове бодисатвы и наших фрагментов, показанных на рис. 8, 9.³

В пещере № 9⁴ детали украшений, волосы, лица статуи, тип одежды и способ ее ношения переданы так же, как и в Ак-Бешимском храме.

В храме № 45 Безеклика⁵ стены расписаны орнаментами, сходными с орнаментом фрагмента росписей из восточной ниши второго храма. С. Ф. Ольденбург замечает, что «более старинные и более индийские элементы преобладают в Шикшине»⁶. А из Шикшина мы получаем наиболее убедительные аналогии материалам нашего храма.

А. Стейн в урочище Мин-Уй (Карашар) в храме, обозначенном им Мi-XV, нашел голову статуи бодисатвы, на которой волосы изображены в виде змеевидных кудрей, спускающихся на лоб, плечи, а на лбу имеется валик в виде жугутика. А. Стейн пишет по поводу этой находки, что она может поддержать сравнение с самыми лучшими ганджарскими скульптурами этого типа.⁷ В Ак-Бешиме мы нашли фрагменты куд-

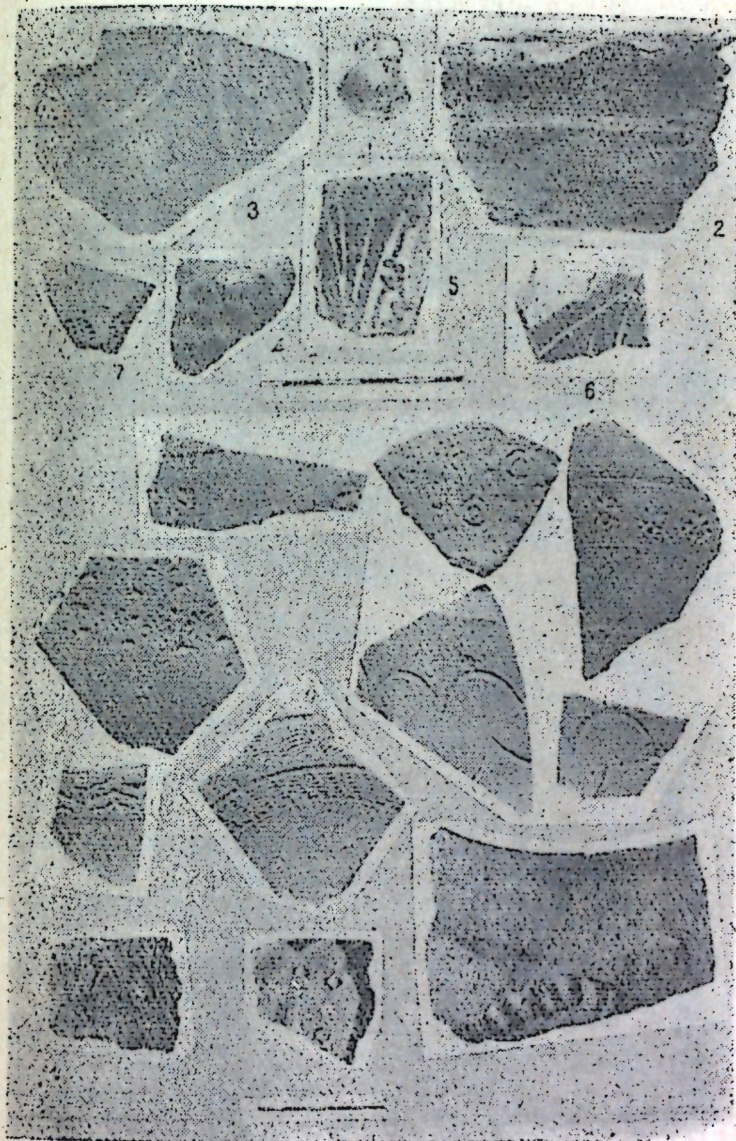

Рис. 23. Находки VIII—X вв. в завале помещений храма: 1) стеклянный сосуд, 2) обломок деревянного сосуда (обуглен), 3) обломок сферокона, 4—6) фрагменты поливной керамики, 7 и др.) образцы керамических обломков.

¹ С. Ф. Ольденбург. Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 гг. Краткий предварительный отчет, СПб., 1914.

² Там же, табл. III, IV, V, стр. 10, рис. 10 и 11.

³ Там же, табл. VII, табл. XIV (скульптуры из пещеры № 7).

⁴ Там же, табл. XV.

⁵ Там же, табл. XV.

⁶ Там же, стр. 21.

⁷ A. Stein. Serindia, t. III—IV, Pl. CXXXIX, Chap. XXI, Sec. III, p. 1197 сл.

рей такого же типа, и голову статуи бодисатвы. В храме Мi-XV монет не найдено, но он входит в комплекс храмовых сооружений, обозначенных А. Стейном Мi-XII, Мi-XIV, Мi-XVII и др., в которых найдены монеты Танского времени — Кай-Юань, Дали-Тунбао (766—780) и др. Художественные сокровища Мi-XV аналогичны по стилю скульптурам и росписям, найденным в смежных храмах. Большое сходство, вплоть до деталей, имеет голова статуи бодисатвы из Ак-Бешимского святилища с головою статуи, найденной А. Стейном в Мi-XVII.¹

Можно было привести еще множество других параллелей, которые дают аналогию Ак-Бешимским находкам — розеткам, лентам с жемчужником, типу одежды и способу ее ношения, типам причесок и других украшений на голове и проч.

Первый буддийский храм Ак-Бешимского городища также дает аналогию этим категориям находок и их деталям,² хотя он существовал позднее.

Большое количество аналогичного материала мы находим не только в памятниках Северо-Западного Китая, но и в Афганистане, особенно в скульптурах VI—VII вв. из Бамиана и Хадды. Нет нужды приводить этот длинный перечень. Можно легко убедиться, ознакомившись с исследованиями А. в. Le-Coq³, J. Hackin⁴, A. Godard⁵, Th. Drexel⁶ и др. Приведу только одно сравнение с афганскими материалами: в Хадде найдена голова статуи, по-видимому, бодисатвы, имеющей прическу (или корону), совпадающую с короной головы бодиставы из Ак-Бешимского храма.⁷

Все эти аналогии не случайны. Они вызваны распространением буддизма и связанного с ним искусства из одного центра — Индии. В новой культурно-исторической обстановке канонические требования вначале выполнялись строго. Ваятели и живописцы, а также служители храмов и других культовых сооружений придерживались индийских образцов, собственно гандхарских, чем и объясняется столь широкое рас-

¹ A. Stein. Serindia, t. IV, Pl. CXXX.

² Л. Р. Кызласов. Археологические исследования, рис. 25, 26, 29 (1), 33, 34.

³ A. von Le-Coq. Die Buddhistische spätantike in Mittelasien. 5 teil. Berlin, 1926.

⁴ J. Hackin. Nouvelles. Recherches Archeologiques a Bamiyan. Paris, 1933.

⁵ A. Godard. Les Antiquites Bouddhiques de Bamiyan. Paris, 1928.

⁶ Th. Drexel. Chinesische Tonfiguren. Braunschweig, 1958.

Вообще литература по буддизму и его искусству огромна.

⁷ I.-I. Barthoux. Les Fouilles de Hadda. Paris, 1930, Pl. 67, fig. C.

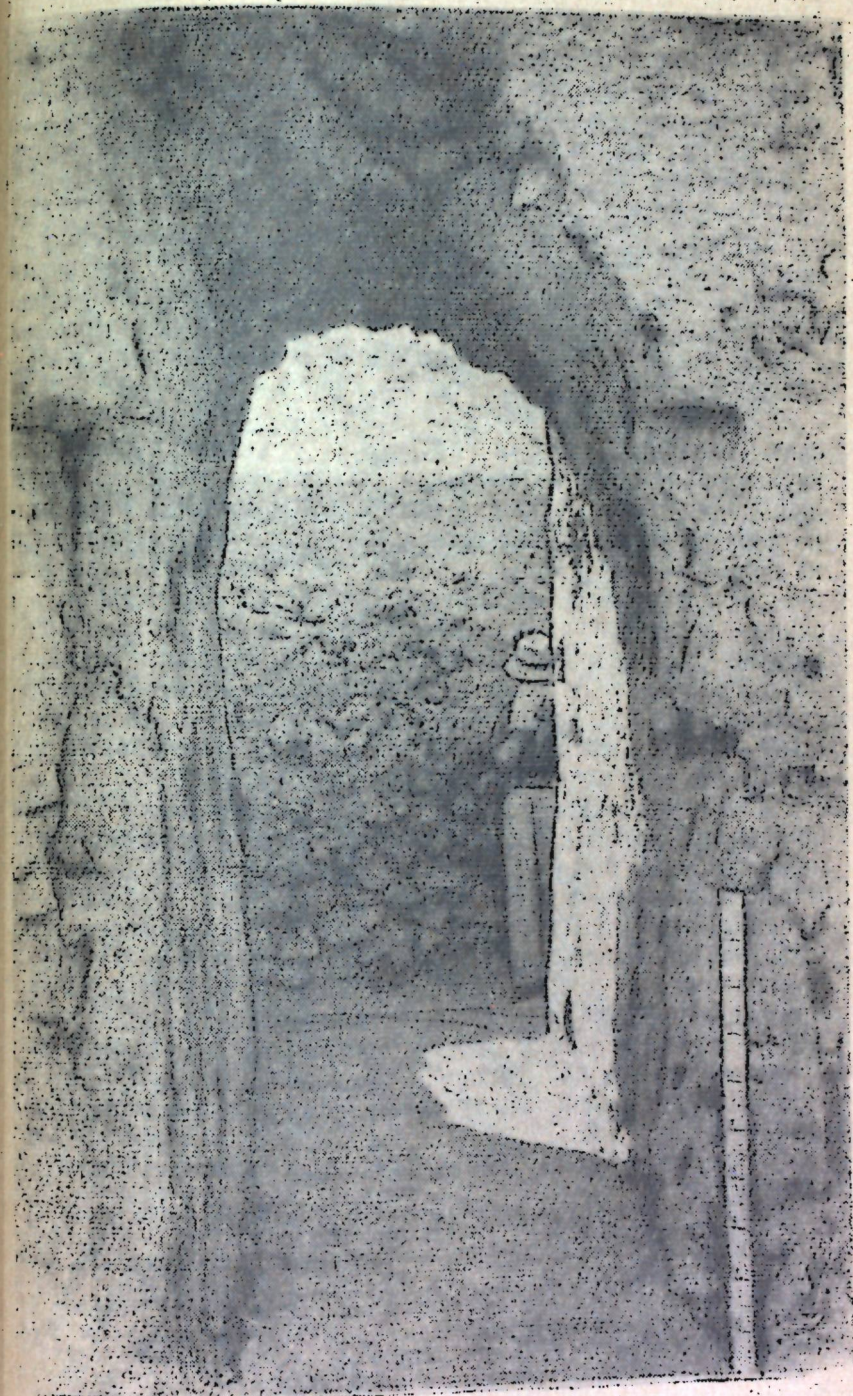

Рис. 24. Западная арка, вырубленная в пахсе (вид с внутренней стороны).

пространение его художественных особенностей.¹ Впоследствии первоначальные образцы в искусстве были забыты.

В Суньском Китае, например, возродились свои, местные китайские художественные школы, а в Афганистане и Средней Азии дальнейшее развитие искусства буддийских храмов прекратилось вследствие арабского завоевания и распространения ислама.

О художественном стиле, отраженном в остатках скульптур второго Ак-Бешимского храма, можно сказать немного, потому что материал весьма фрагментарен. Наблюдениями при раскопках отмечены такие особенности техники и стиля скульптуры и росписи, которые сближают наш памятник как с Вэйскими буддийскими храмами в Северо-Западном Китае, так и с храмами последующей Танской эпохи.

У нас сложилось впечатление, что все фигуры будд и их свиты изображались стоящими. На постаментах признаков скульптур не обнаружено. Если бы на постаментах покоились сидящие или лежащие фигуры, то расчистка несомненно дала бы их малейшие остатки. Мы нигде не обнаружили на полу остатков ступней ног, как это имело место в первом буддийском храме этого же городища,² а они должны быть в случае, когда фигуры изображались со спущенными на пол ногами. Очевидно, фигуры изображались стоящими. Известно, что изображение стоящих фигур имело место преимущественно в Танское время, т. е. в VI—IX вв., а в предшествующее — Вэйское время (IV—VI вв.) — фигуры изображались главным образом сидящими в различных позах.³

Скульптурные композиции второго Ак-Бешимского храма по всем признакам были несложными. Иными словами, свита каждого будды была малочисленна и состояла, по-видимому, только из канонических персонажей, включая 2—3 фигуры. В пользу этого свидетельствует тот факт, что постаментов было найдено мало, они небольших размеров, достаточных для размещения одной фигуры. Подобный состав композиций характерен для буддийских храмов Вэйской эпохи. В Танскую эпоху композиции начали усложняться, а в Суньское время в скульптурную группу будды включали до 10—12 фигур. Эти группы состояли не только из канонических персона-

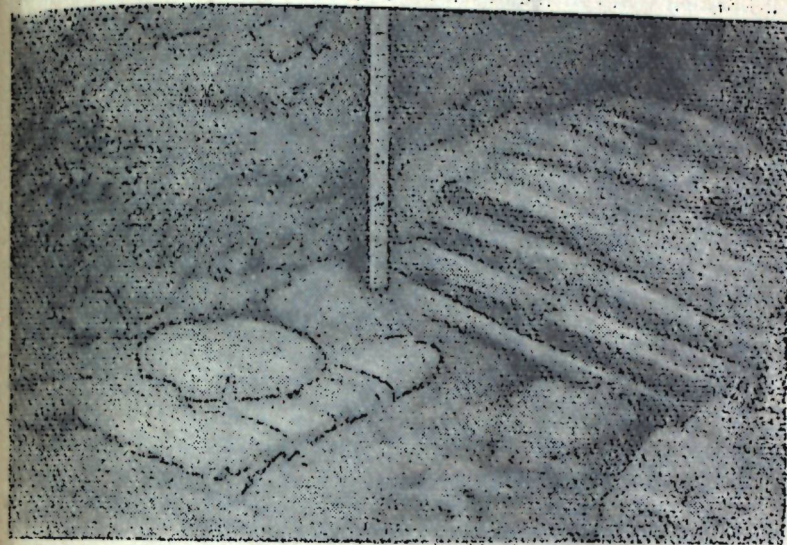

Рис. 25. Постамент главного будды и жертвенное место перед ним.

жей буддийского пантеона, но и сугубо светских лиц — князей-феодалов, богатых жертвователей в пользу храма, монахов и просто паломников.¹ Таким образом, по этому признаку рассматриваемые скульптуры второго Ак-Бешимского храма стоят ближе к Вэйским буддийским храмам Северо-Западного Китая.

Во втором Ак-Бешимском храме только голова бодисатвы сохранилась лучше всего, она дана в полной округлой форме. Все остальные фрагменты скульптур, особенно торсы, имели лишь лицевую сохранившуюся поверхность. Весьма вероятно, что фигуры были не округлые, а примыкали к стене и лишь выступали из нее. Подобный прием изображений был характерен для скульптур буддийских храмов Вэйской эпохи. В Танское время округлость фигур становится обычным явлением.² Таким образом и по этому признаку скульптуры второго храма близки буддийским изваяниям Вэйского времени.

¹ С. Ф. Ольденбург. Пещеры тысячи будд. «Восток», Петроград. № 1, стр. 63—64.

А. Грюневельд. Краткие заметки о буддийском искусстве в Турфане ЗВОРАО, т. 18, в. 1, СПб., 1907, стр. 68.

Н. В. Дьяконова. Буддийские памятники Дунь-Хуана. «Тр. Отд. Востока Эрмитажа», т. 4, Л., 1947, стр. 155.

² Л. Р. Кызласов. Археологические исследования..., стр. 183, рис. 24.

³ Н. В. Дьяконова. Буддийские памятники Дунь-Хуана. «Тр. Отд. Востока Эрмитажа», т. IV, Л., 1947, стр. 455.

¹ Н. В. Дьяконова, указ. соч., стр. 458, 563, 464.

² Там же, стр. 468.

тыми ногами фигура в красном свободно свисающем одеянии. Весь рисунок имел небольшие размеры (20×15 см), а поле вокруг него было заполнено орнаментальным рисунком растительно-геометрического содержания. Известно, что для Вэйского времени характерно изображение в росписях мелких фигур. В последующее Танское и особенно Суньское время размер фигур значительно увеличивается они составляют главное содержание настенных росписей. Одновременно видоизменяется композиционное соотношение и стиль росписей и скульптур.¹ Таким образом и по этому признаку живописи второго буддийского храма Ак-Бешимского городища стоит ближе к живописи буддийских храмов Вэйского времени.

Итак, из рассмотренных здесь четырех особенностей памятников искусства второго храма три последних признака позволяют относить его сооружение к Вэйскому времени. Только отсутствие сидящих фигур в скульптуре несколько омолаживает время существования храма, позволяя отнести его к Танской эпохе. Этот вывод нами будет использован в дальнейшем для обоснования датировки храма.

Сравнение художественных особенностей головы бодисатвы со скульптурой буддийских храмов, известных на смежных со Средней Азией территориях Афганистана (Бамиан и Хадда) и Северо-Западного Китая, позволяет ставить наши скульптуры в один ряд с выдающимися памятниками искусства, возникшими под влиянием знаменитой Гандхары. Именно стиль гандхарского искусства является тем общим, что объединяет скульптуры и живопись Афганистана и Северо-Западного Китая². Средней Азией при этом выпала роль передатчика, передатчика достижений искусства и самого буддизма из Индии в Китай.

Широкое распространение буддизма началось с Кушанского периода истории Средней Азии. С ним пришло и своеобразное искусство. Но оно не просто было перенесено на другую почву, как пересаживают цветы. В Средней Азии искусство буддийских храмов оплодотворилось местными народными художественными традициями. Местные религиозные культы в свою очередь оказали влияние на развитие буддийского культа.³

Согдийские живописцы и, по-видимому, ваятели вносили свое в художественный стиль Гандхары. Они украшали не только храмы и дворцы собственно Согда. Их имена написаны

¹ Н. В. Дьяконова, указ. соч., стр. 464.

² А. Грюнведель. Краткие заметки о буддийском искусстве в Турфане ЗВОРАО, т. 18, в. 1, СПб., 1907, стр. 68. С. Ф. Ольденбург. Пещеры тысячи будд. «Восток», 1922, СПб., № 1, стр. 62—63.

³ Н. В. Дьяконова, указ. соч., стр. 453, 451.

ны на стенах буддийских храмов Северо-Западного Китая и в китайских летописях. Этим и можно объяснить большое сходство художественных памятников буддийских храмов Северо-Западного Китая и Средней Азии, в частности нашего второго храма.

Гандхарское искусство возникло под сильным воздействием уже умирившего в Средней Азии эллинизма. А. Грюнведель относит его начало к 100 г. н. э.¹ Оно испытало на себе сильное и благотворное влияние культуры эллинизма и оно же передало некоторые черты эллинистического искусства дальше на восток, вплоть до Китая. Верно, у нас уже нет тех ярких эллинистических черт, которые делают нам понятным и близким прелесть гандхарского искусства. Мы имеем лишь слабый отблеск эллинистических художественных особенностей, но это станет понятным и объяснимым, если не упускать из вида то обстоятельство, что наш памятник отстоит на 2—3 столетия от времени наивысшего развития гандхарского искусства и порожден иной культурно-исторической средой.

Особенности техники скульптуры буддийских святых во втором храме Ак-Бешима не новы и хорошо известны. Мы не встретили форм для скульптур и их деталей, которые обычно употреблялись при изготовлении изваяний. Такие формы (матрицы) известны в Северо-Западном Китае, одна небольшая формочка была найдена на первом храме.² Можно лишь предполагать, что скульптуры второго храма изготовлялись с применением матриц. Такое предположение весьма вероятно, ибо в буддийской иконографии канон определяет точные размеры и масштабы изображений всех персонажей пантеона, и отступления недопустимы. Употребление матриц предполагает предварительную подготовку отдельных деталей скульптуры с последующей монтировкой их на подготовленном каркасе всей фигуры.

Преобладающий материал для скульптуры и лепнины — глина — определяет другие технические приемы. В нее пришивалась солома, из этой смеси делались крупные детали. В качестве каркаса использовались связки камыша. Поверхность скульптуры покрывалась хорошо отмученной глиной, тщательно заглаживалась для окончательной художественной отделки. Процесс изготовления скульптуры делился на три этапа: сначала делались отдельные детали, потом они монтировались и уже готовой фигуре придавалась художественная отделка.

¹ А. Grunwedel. Buddhistische Kunst in Indien. Berlin, 1893.

² Л. Р. Кызласов. Археологические исследования на городище Ак-Бешим, стр. 210, рис. 40.

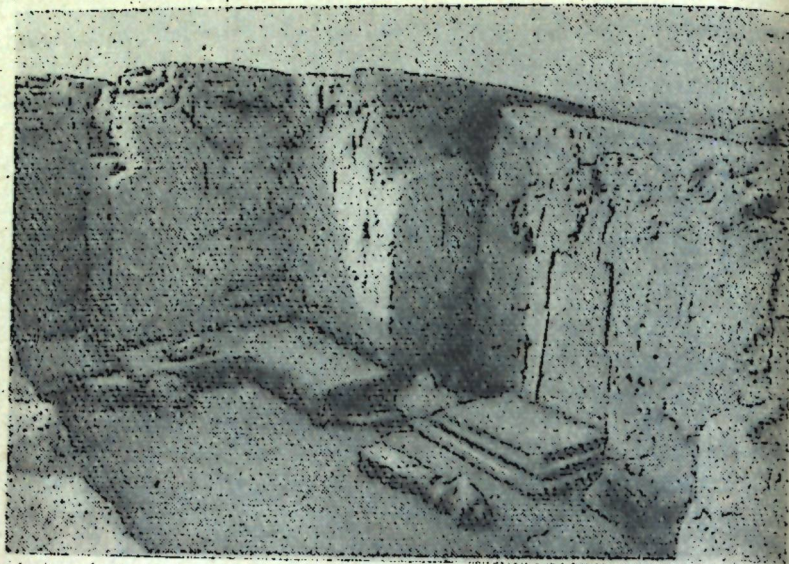

Рис. 26. Западная часть алтарного помещения.

В окончательную художественную отделку входило: покрытие фигур алебастром (если это требовалось), а по белому фону делалась одноцветная или многокрасочная раскраска. Раскраской передавался рисунок ткани одежды; если одежда была многокрасочной, то раскраска передавала такой же рисунок, если она была гладкая, раскраска передавала однотонность ткани одежды. В таком случае она была красной.

Солома вначале придавала скульптуре большую прочность, но по истечении нескольких веков солома сгнила, а вся скульптурная масса приобрела рыхлый, губчатый характер. Это создало большие трудности для ее раскрытия: она разрушалась от малейших прикосновений.

На некоторых фрагментах после расчистки алебастрового слоя были видны следы режущего инструмента. Это явно видно на цветках лотоса, украшавших постамент в юго-восточном углу внутренней галереи. Видимо лепнины также изготавливались в формах-матрицах, которые вырезались ножами. Возможно, что это следы инструмента скульптора.

4. ВРЕМЯ СООРУЖЕНИЯ ХРАМА

К сожалению, на полу раскрытых помещений было весьма мало вещей, которые обычно являются для археолога опорой для датировки. Выше уже указывалось, что кроме фраг-

Рис. 27. Внешняя стена храма (северо-западный угол).

ментов скульптур, лепнин и росписей, на полу ничего не найдено. Большая часть археологического материала залегала в слое пожара, и выше, она относится ко времени после гибели храма и только косвенно может быть использовано для датировки сооружений и бытования храма.

Особенности строительной техники, материал, размеры кирпичей, пахсовых блоков можно привлечь как свидетельства датировки, эти особенности находят аналогии в первом буддийском храме, который датируется VII—VIII вв.¹ С этим храмом, кроме того, сближают некоторые особенности планировки второго буддийского храма. Например, наличие обходной галереи (в первом храме она одна), где стояли некогда

¹ Л. Р. Кызласов. Краткие археологические данные в статье «Материалы из раскопок городища Ак-Бешим (Киргизская ССР) в 1953—54 гг.», «Изв. зап. Ин-та востоковедения», т. XVI, М.—Л., 1958, стр. 516—519. То же. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—54 гг. «Тр. Киргиз. археол.-этнограф. экп.», т. II, М., 1959.

буддийские скульптуры: Впрочем, в планировке обоих храмов можно отметить только одну эту общность. Различий, пожалуй, больше. Но хорошо известно, что для буддийских культовых сооружений вообще характерна разнообразная планировка и различная ориентация входов. Нам важнее сделать упор на сходстве строительного материала и строительных приемов, в которых общность наибольшая.

До арабского завоевания Средней Азии (которое для Сыр-Дарьи не распространилось) длинномерный кирпич различных стандартов был повсеместно распространен и являлся обязательным при постройках того времени.¹

Строительная техника второго храма аналогична той, которую согдийцы применяли у себя на родине, например панджикентских храмах, и на обширной территории Средней Азии и Северо-Западного Китая, куда они впоследствии перенесли.

Уже эти обстоятельства определяют в некоторых пределах время сооружения второго храма на Ак-Бешиме. Они также определяют и возможных строителей. Строителями были, вероятно, согдийцы. Они начали колонизовать Чуйскую долину задолго до постройки храма и являлись, пожалуй, первыми строителями городов в долине. Это заключение подтверждается, кроме того, употреблением согдийского языка и согдийского шрифта на монетах, найденных в завале помещений храма. Тюркешский каган выпускал в обращение монеты от своего имени, употребляя в легендах монет свой тюркешский титул,² но согдийский язык и буквы означают, что обращалась монета среди согдийского торгово-ремесленного населения.

Монет найдено 22 штуки, из них две китайского происхождения, две караханидские, остальные тюркешские или монеты тюркешского круга. Монеты невозможно использовать для датировки времени сооружения храма ввиду того, что они найдены не на полу и не ниже слоя пожара, а преимущественно в мощном слое завала и на различной его глубине. Только три монеты найдены в слое пожара, или в слое скульптур: в нашем списке — № 10, 18 и 21, причем последняя неопределима вследствие плохой сохранности, а две первые могли попасть в отложения вскоре после гибели храма. Однако косвенно монеты являются хорошим и надежным материалом для определения верхней хронологической границы

¹ В. Л. Воронина. Приемы строительной техники доарабского периода в Средней Азии, КСИИМК, вып. 28, М., 1949, стр. 103—109.

² О. И. Смирнова. О классификации и легендах тюркешских монет. «Уч. Зап. Ин-та востоковедения», XIV, М.—Л., 1958.

существования храма. В самом деле, если близко от пола, хотя бы и не на самом полу, или в завале на различной глубине найдены монеты, которые не могли попасть сюда ранее, чем они были выпущены в обращение, то естественно время бытования храма нужно относить до периода обращения монет. Самыми ранними монетами, найденными в слоях выше слоя по-

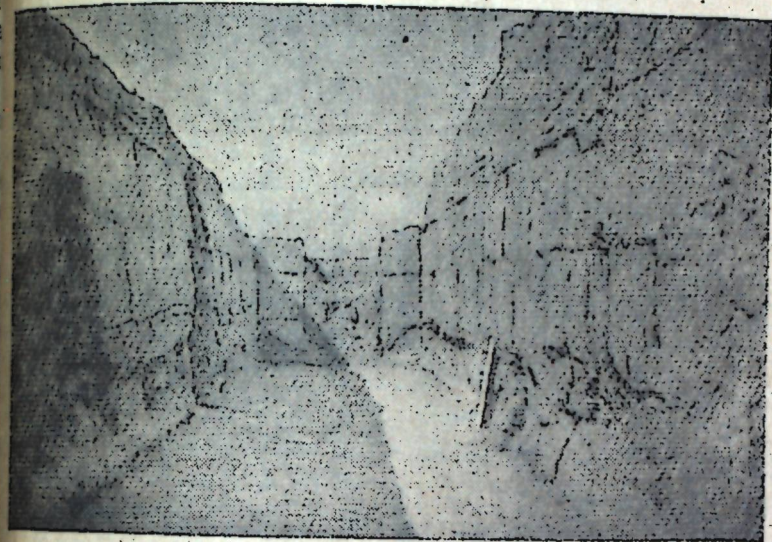

Рис. 28. Западная часть внутреннего коридора.

жара, являются тюркешские, а тюркешское государство в Семиречье существовало в 711—766 годы. В 766 г. его сменило Карлукское правление, после которого, начиная с 992 до 1125 г., областью правили илехканы (так наз. «караханиды»).

Ниже мы приводим полный список найденных при раскопках храма монет.¹

Итак, две монеты (по списку № 10 и № 18) найдены в самом близком расположении от пола (№ 18) и в слое, где залегали обломки скульптур (№ 10). Первая находилась в слое пепла пожарища, который в этой части помещения был весьма тонким (2—3 см). Время этой монеты, которая представ-

¹ Определение местных монет сделано по О. И. Смирновой и ею лично. Китайские монеты определены автором при содействии Д. Деоник и в соответствии с изданными А. Стейном монетами из Северо-Западного Китая (см.: А. Stein, Serindia t. IV приложение В.). О. И. Смирновой и Д. Деоник автор приносит свою благодарность.

**СПИСОК МОНЕТ, НАЙДЕННЫХ ПРИ РАСКОПКАХ
ВТОРОГО БУДДИНСКОГО ХРАМА НА АК-БЕШИМСКОМ
ГОРОДИЩЕ**

№ п.п.	Место нахождения, год, инвентарный номер	Материал	Диаметр в мм	Вес в г.	Тип монеты	Примечание
1	Южная внутренняя галерея западная ее часть, в завале, глубина 80 см, 1956, инв. № 1	медь	25	2,38	тюркешская	
2	Южная внешняя галерея в завале на глубине 140 см, 1955, инв. № 12	медь	20	0,76	неопределена	надпись едва видна, стерта
3	Западная внутренняя галерея, глубина 100 см, 1955, инв. № 24	медь	24	2,52	китайская Кай-Юань	
4	Алтарь, в западной части помещения, 1955, инв. № 41	медь	20	0,82	тюркешская	
5	Храмовые ворота, у западной стены, 1955, инв. № 49	медь	25	4,81	—>—	
6	Алтарь в западной части помещения, глубина 180 см, 1955, инв. № 45	медь	26	4,00	караханidsкий дирхем	сохранность плохая
7	Западная внешняя галерея прохода арочного прохода в завале, 1956, инв. № 34	серебро	30	—	—>—	1/4 часть монеты
8	Южная внутренняя галерея, в завале южной арки, 1956, инв. № 10	медь	20	—	тюркешского круга, тип II	хорошей сохранности
9	Двор, из отвала, выброшенного с глубины до 100 см, 1956, инв. № 14	медь	20	—	тюркешская, тип I	сохранность хорошая
10	Южная внутренняя галерея, юго-вост. угол, в слое скульптур, глубина 30 см, 1956, инв. № 4	медь	24	—	—>—	в двух обломках

1	2	3	4	5	6	7
11	Двор, в завале у западной стены, глубина около 100 см, 1956, инв. № 13	медь	27	—	тип II (?)	вариант: оборотная сторона гладкая
12	Двор, глубина около 200 см, 1956, инв. № 15	медь	16	—	тюркешская, тип II	один краешек стломан, сохранность хорошая
13	Восточная внутренняя галерея, глубина 120 см, 1956, инв. № 11	медь	15	—	тюркешского круга, тип III	
14	Дверной проход из западной внутренней галереи во двор, в завале, 1956, инв. № 12	медь	27	—	китайская Дали-Гунбо, тип I	
15	Южная внешняя галерея, юго-зап. угол, глубина 50 см, 1957, инв. № 37	медь	12	—	тип II	вариант: оборотная сторона гладкая
16	Южная внешняя галерея, в завале, 1957, инв. № 27	серебро	—	—	неопределена	беловатого цвета, плохо сохранилась
17	Внешняя галерея, юго-зап. угол, глубина до 50 см, 1957, инв. № 38	медь	24	—	тюркешская тип I	
18	Восточная внутренняя галерея, около постамента, в слое пожара, 1957, инв. № 214	медь	20	—	новый тип, вторая половина (?) VII—начало VIII в.	на лицевой стороне обычная легенда тюркешских монет, на обороте — надпись тамга
19	Западная внешняя галерея, в завале, глубина 36 см, 1957, инв. № 3	медь	20	—	тюркешская, тип I	
20	Западная внешняя галерея, против арки, глубина 50 см, 1957, инв. № 5	медь	18	—	тюркешская тип I	

1	2	3	4	5	6	7
---	---	---	---	---	---	---

21 Внешняя галерея, юго-вост. угол, над постаментом, 1957, инв. № 314

22 Южная внешняя галерея против арки в завале, 1958, инв. № 2

неопред. шма

неопред. шма

¹ Тип монет местного среднеазиатского чекана определен О. И. Смирновой. См. ее сочинение «О классификации и легендах тюркешских монет», «Уч. зап. Ин-та востоковедения», т. XVI, М.—Л., стр. 527—551. Автор признателен О. И. Смирновой за оказанную помощь.

дает собою новый и неизвестный ранее тип, О. И. Смирнова определяет второй половиной (?) VII—началом VIII в.
Вторая монета (№ 10) найдена на прямоугольном постаменте в юго-восточном углу внешней галереи. Она попала сюда, когда скульптур здесь уже не было. Эта монета принадлежит к I типу, т. е. собственно тюркешская монета. Время выпуска в обращение подобных монет определяется вре-

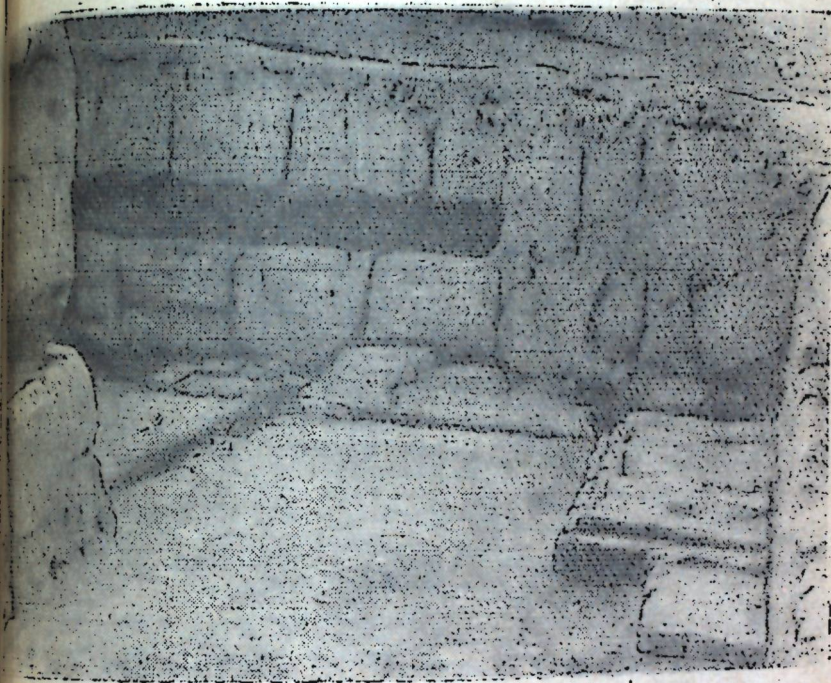

Рис. 29. Юго-восточный угол внешнего коридора.

менем существования тюркешского каганата — 711—766 гг. В определении даты тюркешских монет О. И. Смирнова согласна со своими предшественниками — В. В. Радловым, Ф. В. Мюллером и А. Н. Бернштамом.¹

Остальные определенные монеты делятся на четыре группы:

II тип (т. е. монеты, примыкающие к типу тюркешских) — по списку № 8, 11, 15;

III тип — по списку № 13;

¹ О. И. Смирнова. О классификации легенд тюркешских монет «Уч. зап. Ин-та востоковедения», т. XVI, М.—Л., 1958, стр. 541.

караханидские — по списку № 6, 7;
китайские — по списку № 3, 14.

Типы II и III О. И. Смирнова считает возможным отнести к VII в. Они предшествовали собственно тюркешскому чекану. Тюркешские правители начали выпускать монету по образцу согдийских монет.¹

Рис. 30. Сферический постамент для скульптуры.

Китайские монеты аналогичны тем, которые ранее были найдены Л. Р. Кызласовым на Ак-Бешимском городище (объект I и II). Они относятся к типу танских монет, т. е. вы-

¹ Там же, стр. 543, 545, 551.

пущены в обращение в пределах 713—769 гг. Найдены они в завале руин храма и довольно высоко над полом. Оставлены они в развалинах уже тогда, когда образовался более, чем двухметровый завал в помещениях. Так же поздно попали на развалины две караханидские монеты.

Резюмируя весь монетный материал, можно сделать вывод, что храм погиб в конце VII — начале VIII вв. В VIII в. в помещениях храма уже образовался завал. Существование храма нужно поэтому отнести целиком к VII в. Обстоятельства гибели храма неясны и, по-видимому, связываются с утверждением тюркешского господства в Чуйской долине.

Катастрофа наступила не сразу. На профиле генеральной бровки и при раскопках мы заметили, что еще до пожара кровля и, по-видимому, стены помещений начали разрушаться. Их размывала вода, отложившая в алтаре значительные прослойки перемытого песка и глины. На этих прослойках и покоились остатки скульптур. Потом произошел пожар и гибель скульптурных композиций. Скульптуры при этом все до одной были низвергнуты со своих постаментов, на их прежних местах не осталось даже малейших признаков. Это обстоятельство, кажется, лучше всего свидетельствует о насильственном разрушении храма.

Нижнюю хронологическую границу существования храма можно определить по тем признакам, которые изложены выше. Как уже отмечалось, сравнение стилистических, композиционных и технических особенностей скульптуры и росписей второго храма с соответствующими материалами из буддийских культовых сооружений смежных со Средней Азией территорий указывает на IV—VII вв. Для более точного определения нижней хронологической границы существования храма необходимо использовать результаты археологического исследования стратиграфии Ак-Бешимского городища, произведенного Л. Р. Кызласовым.¹ Он установил, что городище имеет самые ранние слои, относящиеся к V в. В это столетие и образовался город и существовал до X в. На этом основании необходимо исключить весь V в. как время, когда возник наш храм. Отсутствие ремонтов и переделок во втором храме показывает, что он существовал недолго.

Выше отмечалось большое сходство наших материалов с тем, что нашли С. Ф. Ольденбург в храме F-4 и A. Стейл в комплексе храмов Mi-X, Mi-XI, Mi-XII и др. В некоторых из этих храмов (в частности в X, XI) найдены китайские монеты Танского времени — Кай-Юань, Дали и других правле-

¹ Л. Р. Кызласов, указ. соч.

ний.¹ Можно было бы датировать храмы этими монетами, автор в своем отчете не отмечает, в каких условиях они найдены и в каком стратиграфическом отношении находились монеты и храмовые находки (само сооружение и скульптуры). Имея в виду условия нахождения монет во втором храме Ак-Бешима, мы можем серьезно подозревать, что моне-

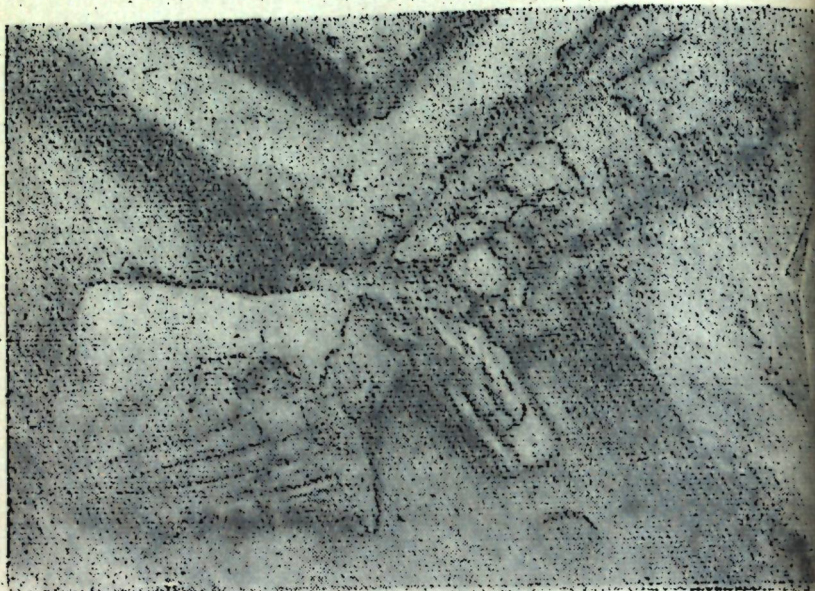

Рис. 31. Обломки скульптур около постамента.

ты в храмах Мин-Уя найдены в завале. Тогда и время существования храмов будет определяться более ранним временем, чем даты монет. Вообще эта сторона полевых исследований А. Стейна, как впрочем и других исследователей буддийских храмов Китая и Афганистана, оставляет желать лучшего. Они не пытались установить более точные даты, чем крупные исторические эпохи, и основывались исключительно на анализе стиля в искусстве. С. Ф. Ольденбург даже отказывался от определения времени существования исследованных им культовых сооружений, точнее — масштаба эпохи. Он писал в своем отчете, что сомневается в правомочности «определять хронологическую последовательность там, где несомненно существование самых разнообразных стилей».²

¹ А. Stein, Serindia, t. IV, Pl. CXL, CXLI, (монеты), стр. 1192 и сл. текст, а также приложение В.

² С. Ф. Ольденбург. Русская Туркестанская экспедиция..., стр.

Учитывая все вышесказанное, мы определяем VI—VII вв., как время наиболее вероятного возникновения второго буддийского храма Ак-Бешимского городища. Примечательно, что в особенностях его искусства имеются черты как более ранние, указывающие на Вэйское время, т. е. VI в., так и более поздние, относящиеся к Танской эпохе. Кроме того,

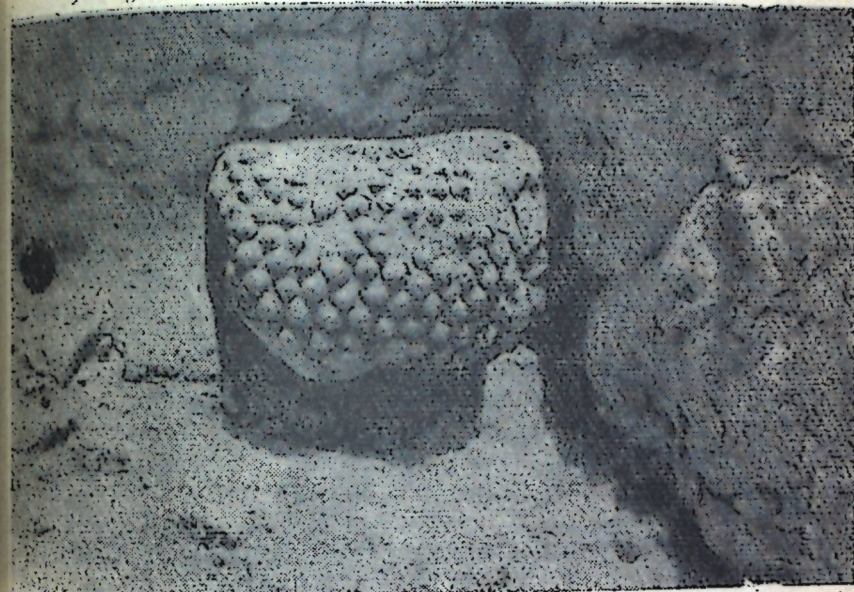

Рис. 32. Обломки гигантской головы будды в закладке западного внешнего выхода (in situ).

в размерах кирпичей и пахсовых блоков очень часто встречаются размеры, характерные для сооружений V—VI вв.¹

Разборка углистого слоя, особенно значительного в центральном помещении и в восточной внутренней галерее, показала, что при строительстве храма использовались бревна диаметром до 15—17 см, а также сравнительно тонкие жерди, ветви с сучками. Среди обломков угля, который чаще всего был аморфным, найден один обломок, который может быть принят за остатки деревянной чаши (рис. 23-2). Ботаническое определение образцов угля и обломка чаши во всех случаях дало одну породу — можжевельник (*Juniperus*).²

¹ Л. И. Альбаум. Некоторые данные по изучению Анхорской группы археологических памятников. «Тр. Ин-та истории и археологии АН Узб. ССР», Ташкент, 1955 г., стр. 133, 134; автор пишет, что в сооружении V—VI вв. он отметил пахсовые блоки толщиной до 1 м и сырцовые кирпичи 50×26×9 (10) см, что характерно для послекушанского времени.

² Определение Г. Н. Лисицкой (лаборатория ИА АН СССР).

После пожара на слое угля, пепла и небольшого количества завала новые люди, конечно, не буддисты, устроили загон для овец. Овечий навоз (он хорошо определяется по характерной ему структуре) образовал прослойку толщиной максимум 5—7 см. Любопытно, что в алтарном помещении слой навоза хотя и был, но в значительно меньшем количестве, чем в обходных коридорах.

В этой прослойке почти не встречалось обычных археологических находок, зато в навозе сохранилось немалое количество остатков семян культурных растений. Некоторые из них были обуглены, другие, и их большинство, истлели и разрушились. Среди этих семян встречались семена арбуза, дыни (огурец?), косточки алычи (*Prunus disaricata*), вишни (?), гороха (*Pisum sativum*), проса (*Panicum miliaceum* L.), но особенно много встречалось ячменя (*Hordeum vulgare*) и мягкой пшеницы (*Triticum vulgare* Vill.)¹. Ячмень и мягкая пшеница, солома которых употреблялась в качестве добавки к строительной глине, встречались также в обмазке стен и тесте скульптур.

С этого времени в руинах храма началась иная жизнь, впрочем она была не очень интенсивной, чем отличаются его руины от руин первого буддийского храма. Здесь не было сколько-нибудь значительных перестроек. Новые обитатели просто приспособливали высоко стоявшие стены для надобностей своей жизни и деятельности. В юго-западном внешнем углу они надстроили постамент еще одним рядом кирпичей храмовых стандартов, причем только по краю. То же они сделали в юго-вост. углу внутреннего коридора, где заложили западный внешний выход, при этом использовали обломки скульптур и постаментов. В сев.-зап. углу соорудили небольшую пристройку для меднолитной мастерской, мы нашли там основание для горна (собственно, его под). Всю северную половину западной внешней галереи перекопали ямами. Из них мы извлекли несколько тонн шлака, встречались капельки меди. Этот шлак отдельными кусками встречался на всей площади храма и на разных глубинах. Мастерская разрушила полностью постаменты и скульптуры, которые должны были стоять в сев.-зап. углу, и мы не обнаружили даже их малейших остатков.

Ямы с золой и углями найдены в восточной внешней галерее, но их там было меньше. Часто встречались очажки на различных глубинах завала помещений. Но в общем итоге разработка завала помещений дала весьма мало археологи-

¹ Ботанические определения А. В. Кирьянова (лаборатория ИА АН СССР), остальные наши сделаны в поле, семена не сохранились.

ческого материала, даже керамического, который обилел на всех поселениях.

Археологический материал затруднительно рассматривать в стратиграфическом плане. Дело в том, что завал, как

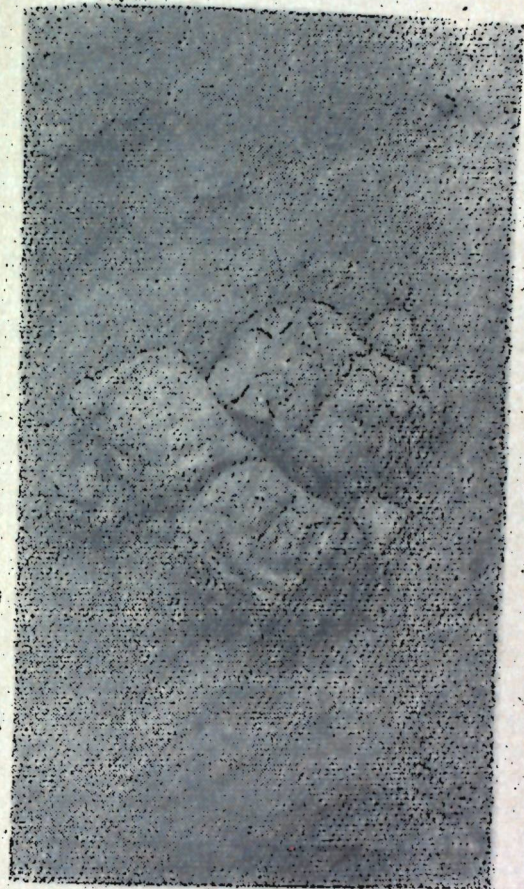

Рис. 33. Скульптурные лепестки лотоса около постамента в восточной части внутреннего коридора.

это видно из профиля генеральной бровки, представлял собою однообразную массу битого кирпича и глины. Он образовывался, конечно, неравномерно на всей площади помещений. Вода размывала глину стеновых материалов и в пониженных местах отлагала прослойки песка и глины. В одних местах стены рушились под влиянием разрушающего воздей-

ствия воды большими массивами, в других — постепенно. И этот процесс продолжался до тех пор, пока не образовался холм в том виде, каким он был до раскопок, т. е. со сглаженной и задернованной поверхностью.

Как уже отмечалось, вещественных находок в слое завала, который сам по себе невозможно дифференцировать, а датировать можно только суммарно, встречалось мало. Наибольший интерес представляют металлические вещи (рис. 21—23). Среди них необходимо упомянуть подкову — предмет, редко встречающийся в раннесредневековых слоях, ключ от замка хорошей сохранности. Он имеет насечку и бронзовые пояски. Подобные ключи известны в среднеазиатских поселениях VIII века. Кроме того, найдены различные наконечники стрел, ножики, много гвоздей, скобок, различных оковок, полусферических бляшек и др. В центральном святилище найден миниатюрный стеклянный сосуд, а в нем одна бусина типа бисера. Сосуд, конечно, использовался для благовоний.

Ввиду того, что керамики было мало и она не дала характерных или отличных форм по сравнению с найденными при прежних раскопках других объектов городища, детального разбора ее состава мы здесь не делаем.

Раскопки дали неожиданный результат. В одном городе, по-видимому, одновременно существовали некогда два буддийских храма. Раньше А. Н. Бернштам открыл буддийскую часовню. В этом же городе Л. Р. Кызласов раскопал памятники еще двух религиозных культов: к местному, по-видимому маздантскому, принадлежит наус, усыпальница и христианская церковь с кладбищем. И все они по времени близки к существованию второго буддийского храма.

Открытие в будущем других буддийских культовых сооружений, даже храмов не должно вызывать удивления. Возможно, рядом со вторым храмом окажется третий. Соседний холм имеет обширные размеры, едва ли меньшие, чем имел размеры холм второго храма, а его планировка предположительно может быть такой: в центре — дворик, его окаймляют помещения, главный выход — на север. Этот холм отстоит от второго храма на 25—20 метров. Примечательно, что к нему ведет более широкий наружный выход из восточной внешней галереи, чем аналогичные выходы на юге и западе (140 см).

Открытие буддийских храмов показало, что буддизм иг-

рал более заметную роль в жизни коренного населения, чем это полагали ранее. Будущие открытия, несомненно, дадут новые этому доказательства.

Резюме

Бул китепче Кыргызстандын Чүй районундагы Ак-Бешим деген жерде 1955—1958-жылдарда жүргүзүлгөн археологиялык изилдөөлөрдүн натыйжасында жазылган. Китепчеде Ак-Бешимдеги буддалык экинчи храмдын (мачиттин) Орто-Азиядагы бирден бир уникалык эстелик экендиги, анын архитектуралык түзүлүшү, урашынны тарыхы баяндалат, бул храм VI—VII кылымдарга таандык экендиги көрсөтүлөт.

¹ Л. Р. Кызласов, указ. соч., стр. 520—521. См.: Его же, Археологические исследования. «Тр. Киргиз. комплексной археол. эксп.», т. II.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	3
1. Храмовый комплекс сооружений	4
2. Строительный материал и строительная техника	27
3. Памятники Буддийского культа	39
4. Время сооружения храма	58